Анклав

Автор:
Энн Агирре

Анклав

Энн Агирре

Шрам от бритвы #1

Сколько себя помнила, она всегда мечтала стать Охотницей и защищать свой Анклав, расположенный глубоко под землей.

И вот в день пятнадцатилетия после торжественной церемонии ей присвоили новое имя. Теперь она не просто «девочка № 15» – одна из множества мелких, а Двойка – полноправный член Анклава и лучшая Охотница в своей группе.

Впереди – несколько лет вполне предсказуемой жизни, защита Анклава от Уродов – страшных зомби, одержимых лишь голодом. Но это не пугает Двойку – ведь всю свою сознательную жизнь она провела в тренировках с оружием, ее учили убивать этих безмозглых тварей.

Впрочем, ее планы летят ко всем чертям, когда в напарники ей определяют Невидимку – мрачного и нелюдимого парня, появившегося в Анклаве с той стороны забора.

Вместе с ним она восстанет против общепринятых правил, будет изгнана из родного дома и постарается выжить на Поверхности. Найдет ли она новый дом в Нью-Йорке, пустом и мертвом после биологической катастрофы городе?

Впервые на русском языке!

Энн Агирре

Анклав

Андрес, эта книга, как всегда, посвящается тебе. На пути мне попадались не только розы, но и шипы, но ты всегда был рядом, чтобы поддержать меня и утешить.

Copyright © 2011 by Ann Aguirre

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

Часть первая

Там, внизу

…в лишенной окон гробнице слепой матери, в глухую полночь, при неясном свете алебастровой лампы во тьму со слабым криком явилась девочка.

Джордж Макдональд, «История Фотогена и Никтерис»[1 - Цитируется по переводу Светланы Лихачевой. Вещь издавалась под разными названиями, но в данном случае выбрано то, что фигурирует в данном русском переводе.]

Двойка

Я родилась после второй Катастрофы.

Рассказывают, что когда-то люди жили дольше. Но я всегда думала, что это так, выдумки. Легенды и все такое. Среди тех, кого я знала, даже до сорока никто не доживал. А сегодня у меня день рождения. Каждый год в этот день меня

накрывало страхом, страх держался и не уходил. А в этот раз стало совсем худо. В нашем анклаве старейшина дотянул до двадцати пяти. На него было страшно смотреть: весь морщинистый, пальцы дрожат, из рук все валится. Люди шептались, мол, надо бы беднягу убить и тем избавить от мучений, но на самом-то деле им просто было невмоготу глядеть и понимать, что они скоро усохнут и точно так же ослабеют.

– Ну что? Готова?

Шнурок стоял в темноте и терпеливо ждал.

У него уже были шрамы на руках – ведь Шнурок на два года старше меня. Раз он прошел через ритуал и выжил, я тем более смогу. Он же дохляк, как ни погляди, еще и мелкорослый. От голода и лишений щеки Шнурка ввалились, и выглядел он старше своих лет. Я кивнула. Пришло время становиться женщиной.

В туннелях просторно, по полу тянутся длинные металлические полосы. Мы в свое время обнаружили и всякие штуки, в которых, наверное, раньше ездили. Но они валялись, опрокинутые на бок, как огромные мертвые звери. Мы в них прятались, если что-то нехорошее случалось. К примеру, охотники до анклава еще не дошли, а на них напали. Толстая металлическая стена между тобой и голодным врагом – это хорошо. Потому что тогда ты выживешь. А если спрятаться не успел – умрешь. Вот такие дела.

Я-то, конечно, из анклава никуда не выходила. Здесь мы жили, в тесном мирке, в темноте, среди вьющихся струек дыма. Кругом – старые, старые стены из больших четырехугольных камней. Когда-то они были цветными, но с годами краска стерлась, стены поблекли и стали грязно-серыми. Хотя кое-где встречались и пятна цвета – мы кучу разной всячины притаскивали из охотничьих вылазок.

Я шла за Шнурком через привычный лабиринт коридоров, и взгляд мой перебегал от одной знакомой вещи к другой. А вот и моя любимая – девочка на белом облаке. Что-то она держала в руке, теперь и не поймешь что – картинка стерлась в этом месте. А вот надпись – яркая такая, большими красными буквами – сохранилась: «РАЙСКАЯ ВЕТЧИНА». Красотища! Не знаю, что это такое было, но, судя по выражению лица девочки, что-то очень приятное…

Сегодня – День наречения имени, поэтому все в сборе. В том числе и те, кому предстоит получить имя. Все, кто сумел дожить до этого события. Мелкие помирали в таких количествах, что никто не морочился с именами: пащенков просто называли Мальчик или Девочка, ну и прибавляли порядковый номер. Анклав у нас маленький – и, по правде говоря, становится все меньше и меньше, – так что я, вглядываясь в скрытые полутьмой лица, узнала всех до единого. Живот скрутило от страха – перед неминуемой болью. И перед неизвестностью – каким-то имечком меня припечатает… Назовут какой-нибудь дрянью – так до самой смерти и проходишь…

«Пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет что-то хорошее…»

Старейшина – у него, бедняги, не самое замечательное имя, Белая Стена, – вышел в центр круга. Встал у костра, и лижущее угли пламя расцветило его лицо жутковатыми оттенками. Старейшина протянул руку и поманил меня.

А когда я подошла, громко сказал:

– Охотники! Несите свои дары!

И все выходили и складывали приношения у моих ног. Куча любопытных штук все росла – кстати, назначение некоторых я себе плохо представляла. Может, для красоты? На стенку повесить и все такое? А, между прочим, людям из прежнего мира нравились всякие симпатичные штуки – прямо жить они без них не могли. Ну, я-то могла. Потому что жизнь совсем другая.

А когда все сделали то, что должно, Белая Стена повернулся ко мне:

– Пора.

Вокруг воцарилось молчание. Где-то в глубине туннелей эхом отдавались крики. Совсем рядом с нами кто-то мучился и страдал. Но он не вышел возрастом, и присутствовать на церемонии имянаречения ему не полагалось. Возможно, к окончанию ритуала мы кого-нибудь недосчитаемся. Наши ряды косили болезни, а от лекаря больше вреда, чем пользы. Ну, по крайней мере, так я сама думала. Но мне хватало ума не лезть с возражениями – назначил он какой-то медикамент, ну и пусть. В анклаве слишком умных недолюбливали.

«Правила! – сказал бы в таком случае Белая Стена. – Правила и только правила позволяют нам выжить! А если кому-то что-то не по нраву – пожалуйста, путь на Поверхность всегда открыт». Н-да, старейшина наш был человеком вредным, чтобы не сказать злобным. Уж не знаю, возраст тому причиной или он сразу таким уродился. И вот теперь он стоял и ждал. Ждал, когда можно будет пустить мне кровь.

Конечно, раньше мне не приходилось видеть, как оно все идет во время ритуала. Но я знала, что должно произойти. И протянула обе руки. В свете костра вспыхнуло лезвие бритвы. Бритва – наше сокровище. Старейшина лично ухаживал за ней, чистил и натачивал. Лезвие трижды пропороло кожу на левой руке. Я держалась изо всех сил, и боль не вырвалась криком. Она свернулась внутри – молча. Я не опозорю анклав. Я не буду плакать, как маленькая. Старейшина полоснул меня по правой руке – держись, держись, не распускай нюни. Я стиснула зубы. По рукам стекала кровь. Не очень много – Белая Стена резал неглубоко. Так, чтобы память осталась.

– Закрой глаза, – скомандовал он.

Я повиновалась. Он наклонился и разложил передо мной подарки. А потом вцепился в руку тонкими холодными пальцами. На что моя кровь попадет, тем меня и назовут. Я стояла с закрытыми глазами, все замерли в благоговейной тишине – только дыхание и слышалось. И тут рядом со мной кто-то пошевелился.

– Открой глаза и скажи слово приветствия миру, Охотница. Отныне имя тебе – Двойка.

Старейшина держал карту. Рваную, заляпанную, пожелтевшую от времени. С одной стороны – красивый красный рисунок, а с другой на меня смотрело что-то вроде черной лопаты. Ну и цифра «два». На карте остались капли моей крови – теперь я должна носить ее при себе и никогда с ней не расставаться. Двойка перекочевала в мои ладони, и я произнесла положенные слова благодарности.

«Как странно-то…»

Ну да, теперь я уже не Девочка 15. Но ничего, надо привыкать к новому имени.

Люди тем временем расходились. Мне уважительно кивали, разворачивались и шли заниматься своими делами. Церемония имянаречения завершилась, пора работать – добывать еду или всякие полезные вещи. Жизнь – она ведь не останавливается.

– Молодчина, хорошо держалась, – сказал Шнурок. – А теперь пошли, с руками твоими разберемся.

Хорошо, что при этом никого не было – потому как мужество мне изменило. Когда Шнурок прижег мне ранки, я расплакалась от боли. Раскаленное железо коснулось каждого пореза – а всего их было шесть. Шесть шрамов, доказывающих, что я крепкая и сильная и имею право на звание Охотницы. Другие граждане не могли похвастаться таким же количеством отметин – Строители, к примеру, обходились тремя. А Производители – и вовсе одним. Сколько мы себя помнили, количество шрамов на руке показывало, чем гражданин занимается и насколько полезен.

Оставлять порезы без обработки нельзя, и причин тому две. Во-первых, шрам образуется неправильный, а во-вторых, инфекция может попасть. Много народу погибло после церемонии имянаречения, а все потому, что они плакали и умоляли не прижигать порезы – выдержать прикосновение раскаленного добела железа им оказалось не по силам. Ну и помирали потом от заражения. Так что я рыдала, а у Шнурка даже рука не дрогнула – и правильно.

«Теперь я – Двойка».

Раскаленное железо убивало нервные окончания, слезы текли по щекам, но почетные отметины появлялись одна за другой, свидетельствуя: я сильна и способна выдержать любое испытание. Я не пропаду в туннелях. Я готовилась к этому дню всю жизнь – дубинка и кинжал одинаково легко ложатся мне в руку. Нам приносили пищу, которую кто-то для нас добыл – и я всегда знала: скоро настанет и мой час пойти на охоту и добыть еды для голодной мелкоты.

И вот этот час пришел. Девочка 15 умерла.

Да здравствует Двойка!

В честь имянаречения мои друзья устроили праздник. Они ждали в общем зале. Мы выросли вместе, с другими ребятами наши пути потом разошлись – все-таки характеры разные, да и физические данные тоже. Но мы с Наперстком и Камнем остались друзьями. Я была самой младшей, и, получив имена, приятели вдоволь покуражились, по-прежнему называя меня Девочкой 15 и хвастаясь своими взрослыми прозваниями.

Наперсток чуть-чуть меня старше, но девчонка она некрупная. Ее определили в Строители. Волосы у нее темные, глаза карие и всегда широко распахнутые. И подбородок остренький – мелочь мелочью. Люди, глядя на нее, пожимали плечами: и вот эту вот шмакодявку – уже именем нарекли? Наперсток от таких слов заводилась с пол-оборота.

Пальцы у нее вечно грязные от работы, лицо и одежда тоже перепачканные. Бывало, почешет она щеку, а на коже темная полоска осталась. Но я ее не дразнила – Наперсток очень ранимая. Одна нога у нее чуть короче другой, и она ходит немного прихрамывая – не потому, что поранила, а из-за этого маленького изъяна. Если бы не это, Наперсток могла бы стать прекрасным Производителем.

Кстати, Камня определили как раз в Производители, такой он сильный и красивый. Белая Стена решил, что ему есть что передать по наследству. Спарится с хорошей умной женщиной – и сильное, крепкое потомство обеспечено. Только гражданам с хорошими физическими данными позволено размножаться – надо заботиться о здоровье будущих поколений. Ну и, конечно, старейшины внимательно отслеживали, сколько мелких появляется на свет, – нам не нужны лишние рты.

Наперсток подскочила ко мне и принялась разглядывать шрамы:

– Больно было, да? Очень-очень?

– Угу, – важно ответила я. – В два раза больнее, чем тебе.

И, одарив Камня язвительным взглядом, добавила:

– И в шесть раз больнее, чем тебе.

Друг мой любил пошутить, что у него самая легкая работа во всем анклаве. Может, так оно и было, но мне такое бремя казалось непосильным – следующее поколение должно выжить, и это ответственность Камня. Он ведь не только давал потомство, но и заботился о нем. А там… в общем, по мне, так слишком много смертей. Мелкие мерли один за другим – они все урождались невероятно хрупкими и уязвимыми. В этом году у него мужского пола молокосос родился, и я не знаю, каково Камню – страшно ведь. Я вот свою Производительницу почти не помню – она умерла совсем молодой, даже по нашим понятиям. Ей было восемнадцать, когда в анклав пришло поветрие. Похоже, торговцы из Нассау занесли. Очень много народу в тот год умерло.

Некоторые граждане полагали, что потомство Производителей должно заниматься тем же самым. А Охотники все чаще заговаривали о том, что пополнять их число должен приплод Охотников. Мол, постарел кто-то, стал негодным для вылазок – пусть займется размножением и себе смену растит. А я всю жизнь боролась с такими идеями. Потому что с тех пор, как встала на ноги и пошла, твердо знала: буду Охотницей. И как они, буду уходить в туннели за добычей.

– А я что, виноват, что уродился смазливым? – фыркнул Камень.

– Ну хватит вам, – отмахнулась Наперсток.

Она вытащила завернутый в выцветшую ткань подарок:

– Вот. Это тебе.

Честно говоря, не ожидала. Сверток оказался тяжелым.

– Ты мне новые кинжалы смастерила?

Подружка одарила меня свирепым взглядом:

– А то ты не знала!

Я развернула ткань и примирительно проговорила:

– Слушай, они потрясающие.

Они и впрямь были потрясающие. Только Строители такое умеют. Наперсток специально для меня выливала форму, долгие часы провела над огнем – выковывала, закаляла, полировала и затачивала. Клинки блестели в свете факелов. Я взяла один и покачала в руке – прекрасный баланс. Потом сделала пару движений – ну, так, чтобы показать Наперстку, как мне нравится подаренное ею оружие. Камень отпрыгнул в сторону, как ошпаренный. Он что, думает, я его случайно задену? С него, дурака, станется… Охотница, чтоб вы знали, никого по ошибке ткнуть не может. Она бьет только туда, куда целится.

– Я хотела, чтобы у тебя было самое лучшее оружие.

– И я, – вдруг добавил Камень.

Он не стал заворачивать подарок – великоват для обертки. Конечно, видно сразу, что дубинку изготовила не рука Строителя, но Камень неплохо управлялся с резцом, да и палку для сердцевины подобрал толстую и прочную. Наверное, Наперсток все-таки помогла ему намотать полосы металла сверху и снизу, но причудливые фигурки на деревянной рукояти он вырезал сам, я уверена. А еще он чем-то их подкрасил, и они ярко выделялись на общем фоне. Конечно, резьба и прочие украшения – помеха при чистке оружия, но Камень – он же Производитель, ему, вообще-то, о таких вещах и задумываться не положено.

Я улыбнулась:

– Спасибо. Это замечательный подарок.

Мы обнялись. А потом они вытащили еще одну штуку. Мы ее специально хранили для этого случая. Для праздника в честь имянаречения. Наперсток выменяла ее давно, и мы терпеливо ждали, когда этот особый день наконец-то настанет. А тут было на что посмотреть: сама коробочка – блестящая, красно-белая – была приятной на ощупь и очень яркой. Ярче и красивее, чем наши обычные вещи. Правда, мы еще не знали, что в ней – коробка оказалась плотно закрыта. Пришлось вскрывать ее с помощью специальных инструментов.

Мы принюхались – запах оттуда шел очень приятный. Я ничего подобного в жизни не нюхала. А пахло свежо. И сладко. А внутри лежал только какой-то

цветной порошок. Не знаю, что это, но мне настолько понравился аромат, что остальное как-то стало и не важно. Вот подарок так подарок!

– А что это? – осторожно спросила Наперсток.

Я нерешительно дотронулась до розовой пыли, наполнявшей коробочку:

– Ну… наверное, это для запаха. Чтоб приятно пахло и все такое.

– На одежду нужно сыпать?

Камень наклонился к коробочке и понюхал. Наперсток подумала и ответила:

– Только по большим праздникам.

– А там что-нибудь еще есть? – поинтересовалась я.

И сунула палец. Добравшись до дна коробочки, я что-то нащупала:

– Ага, есть!

Квадратик плотной бумаги. Белый, с золотыми буквами – правда, какими-то странными и непонятными. Некоторые были совсем как наши, а некоторые нет. Во всяком случае, прочитать надпись не получилось: буквы переплетались, сползали со строки и завивались во все стороны – аж в глазах рябило.

– Положи обратно, – строго велела Наперсток. – А вдруг это что-то важное?

На самом деле это не вдруг важное, а совершенно точно важное. Потому что в руках у нас не обрывок, а целый, законченный документ – настоящее послание из прошлого мира.

– Надо отнести к Хранителю слов.

Мы, конечно, эту жестянку честно выменяли, но что, если она полезна для всего анклава? Присвоишь такую вещь – жди неприятностей. А неприятности у нас

оборачиваются чем? Правильно, изгнанием. А изгнание – такими ужасами, что и сказать страшно. Мы переглянулись, положили плотный бумажный квадратик обратно в коробочку и закрыли ее. Еще раз переглянулись: все понимали, чем все закончится, если нас обвинят в присвоении общего достояния.

– Так, надо по-быстрому с этим разобраться, – заявил Камень. – А мне уже к мелким пора.

– Обожди немного!

И я бегом припустила прочь – нужно найти Шнурка. Парень обнаружился – вполне предсказуемо – на кухне. Кстати, у меня пока не было собственной комнаты – но ничего, теперь, когда есть имя, будет и личный закуток. Прощай, общая спальня молокососов.

– Чего надо? – строго вопросил Шнурок.

Ну не обижаться же на него… Мне дали имя, но это не значит, что Шнурок мгновенно изменится и перестанет меня шпынять. Для кого-то я еще долго, пару лет точно, останусь шмакодявкой. Ну а потом возраст даст о себе знать, и я начну стареть…

– Ты мне вот что скажи. Где мне теперь жить?

Шнурок вздохнул, но все ж таки повел меня через лабиринт – вглубь, вглубь; мы шли, толкаясь и уворачиваясь от прохожих, ныряя под навесы и обходя наставленные повсюду перегородки. Мое жилище оказалось зажатым между двумя другими, но это были четыре фута личного, принадлежащего мне одной пространства.

Собственно, теперь мне предстояло проживать в трех стенах из ржавого железа, отгороженных от любопытных глаз драным куском ткани. Впрочем, занавеска – это лучше, чем ничего. Да и кто мог похвастаться жилищем покрасивее? У всех все было одинаковое, разве что безделушки каждый натаскивал по своему вкусу. Мне вот, к примеру, нравились всякие блестящие штучки – хотя я, конечно, скрывала свою слабость. Правда, непременно старалась выменять что-то посверкивающее в свете факела…

– Ну что, все? Тогда я пошел.

Шнурок развернулся и уплелся обратно на кухню. Ну что, вот он, долгожданный миг. Глубоко вздохнув, я откинула занавеску. Ага. Вот набитый тряпьем тюфяк. А вот и ящик – туда складывают пожитки, обычно весьма скудные. Зато сюда никто не имеет права входить без приглашения. Моего приглашения. Я заслужила собственное жилище.

На сердце у меня было не очень спокойно, но, опуская кинжалы в ящик, я улыбалась. Красивые они все-таки. К тому же сюда все равно никому ходу нет, а отправиться к Хранителю слов вооруженной до зубов – плохая идея. Он, как и Белая Стена, уже старик, и со странностями.

Если честно, предстоящий допрос меня не радовал.

Испытание

Мы быстро и четко изложили суть дела и предъявили банку. Хранитель запустил туда пальцы, просеивая невесомую розовую пыль. И осторожно вытащил бумажный квадратик.

– Говорите, эта штука к вам уже давно попала?

Хранитель слов одарил нас свирепым взглядом. Можно подумать, мы в чем-то виноваты. Но он считал нас если не преступниками, то уж точно дураками.

Камень принялся объяснять:

– Мы, все трое, выменяли эту банку и решили, что откроем ее, когда Пятнад… упс, извините, Двойке дадут имя.

– Значит, вы понятия не имели, что там внутри.

– Нет, сэр, – отрапортовала я.

Наперсток робко покивала. Вообще-то в анклаве редко оставляли в живых мелких с физическими изъянами. Но Наперсток хромала несильно и прекрасно справлялась с обязанностями Строителя. Она работала как сумасшедшая – видно, пыталась всем доказать, что ее не зря здесь держат.

– Вы готовы принести клятву? – спросил Хранитель.

– Да, – отозвалась Наперсток. – Никто из нас не знал, что там внутри.

С кухонь позвали Медяшку, и та засвидетельствовала, что мы поклялись. Хранитель забрал документ и положил к остальным.

– Вон отсюда, все трое, – прорычал он. – Я извещу вас о своем решении в надлежащее время.

Мы шли обратно, настроение у меня испортилось окончательно. Но надо было показать друзьям мою комнату. Камень мог пойти ко мне – в качестве сопровождающего для Наперстка. Мы шлепнулись на тюфяк все втроем – прямо как в старые добрые времена в общей спальне для мелких. Камень сел посередине и обнял нас. Такой теплый, привычный – и я положила голову ему на плечо. Вообще-то я не позволяю никому меня вот так трогать, но Камень – это особый случай. Мы же еще мелкими подружились. Почти сроднились, да.

– Все будет хорошо, – уверенно сказал он. – Не могут же они наказать нас за то, чего мы не делали.

Наперсток тоже прижалась к нему, причем с очень довольным видом. Ей бы в Производители… Но старейшины такого ни за что не допустят, как бы она ни просила. Физические изъяны не должны передаваться по наследству – даже такие безобидные, как у нее.

– Точно, – согласилась она.

И я кивнула. И впрямь, с чего бы оно могло обернуться иначе. Старейшины заботятся о нас. Понятно, что им придется изучить дело, но когда они ознакомятся со всеми фактами, то поймут, что мы невиновны. Мы же все сделали правильно: сдали бумагу, как только нашли.

О чем-то задумавшись, Камень перебирал мои волосы. Да, для таких, как он, это нормально. Производителям не запрещается касаться других. Мне даже странно иногда, как они так легко к этому относятся – то обнимутся, то похлопают друг друга по плечу и все такое. А вот Строителям и Охотникам такие вольности не позволены – чтобы в нехорошем не обвинили.

– Мне пора, – со вздохом сказал Камень.

– Ухаживать за мелкими? Или заделывать их?

В голосе Наперстка послышалась ярость. Мне даже стало ее жаль. Понятно, что у бедняжки есть мечта, и мечта несбыточная. Не то что у меня. У меня все мечты сбылись. Я прямо сейчас готова приступить к работе!

А Камень довольно осклабился – похоже, он понял вопрос буквально.

– Ну, если тебе так интересно…

– Да нет, не особо, – быстро встряла я.

Наперсток поникла:

– На самом деле мне тоже пора. Хороший получился праздник, правда, Двойка?

– Ага. Не считая визита к Хранителю, конечно. – И я широко улыбнулась.

Они встали и пошли к себе, а я растянулась на тюфяке и принялась строить планы на будущее. Я Охотница! Наконец-то я – Охотница!

Когда я увидела Невидимку в первый раз, то не на шутку испугалась. Лицо у него было худое, острое, а темные лохмы падали на глаза – тоже темные, даже черные, как бездонный колодец. А шрамов на нем было несметное количество – видно, он прошел через столько битв, что и представить сложно. Жизнь у нас несладкая, но в глазах у него стояла такая злость, что все понимали – Невидимка повидал кое-что похуже и пострашнее.

В отличие от остальных, он не родился в анклаве. Невидимка вышел из туннелей – уже не мелкий, но еще и не взрослый, полуживой от голода и совершенно дикий. У него не то что номера, как у нас, не было – у него вообще никаких понятий о жизни не было. И тем не менее старшие граждане проголосовали за то, чтобы он остался в анклаве.

– Тот, кто выжил в туннелях без посторонней помощи, очень силен, – сказал Белая Стена. – Он нам еще пригодится.

– Ага, если для начала нас всех не поубивает, – пробормотала Медяшка.

Медяшке двадцать четыре – старше нее только Белая Стена. И они были вместе какое-то время, пусть и недолго. Медяшка единственная осмеливалась ему возражать, хоть и не так чтобы всерьез. Остальные прекрасно понимали, что к чему, и молчали в тряпочку. Я лично видела, как людей обрекали на изгнание за то, что они осмеливались перечить и отказывались повиноваться правилам.

Так что, когда Белая Стена сказал, что чужак остается, мы принялись за дело – парнишка должен понять, что значит быть гражданином анклава. Прошло много времени, прежде чем я его увидела. Невидимку учили правилам и обычаям, и он подолгу сидел с Хранителем слов. Парень отлично умел драться – но и только. Сосуществовать с другими людьми у него не особо получалось. Во всяком случае, наши законы ему пришлись не очень-то по вкусу.

Я в то время еще была мелкой и не видела, как его обламывали. Передо мной другая задача стояла – тренироваться на Охотницу. А поскольку я хотела во что бы то ни стало показать себя с клинком в руке, заниматься приходилось день и ночь. На церемонии имянаречения странного парнишки я не присутствовала. Поскольку Невидимка не знал, сколько ему лет, старейшины выбрали день наугад – ну, когда посчитали возраст подходящим.

Потом я часто его видела, но, конечно, мы ни разу не говорили, еще чего. Мелкие и Охотники вообще не общаются, разве что на занятиях. Те, кого отобрали как будущих воинов и патрульных, тренировались под руководством бывалых Охотников. Моей наставницей стала Шелк, но и другие тоже приложили руку к обучению. А познакомились мы с Невидимкой гораздо позже, уже после того, как я сама получила имя. Он вел занятия по технике боя кинжалом, и Шнурок привел меня на площадку.

– Все, можете идти, – сказал Невидимка, когда мы подошли.

Мелкие разошлись, негромко бурча что-то под нос. Ну да, я прекрасно помню, как болело все тело, когда начались тренировки. А теперь любо-дорого посмотреть, какие крепкие у меня руки и ноги – я этим по праву горжусь. А еще мне очень хотелось испытать себя в настоящей переделке – за пределами хрупких стен анклава.

Шнурок кивнул в мою сторону:

– Вот тебе новый напарник. Шелк сказала, что она лучшая в ее группе.

– Вот как?

По голосу Невидимки не понять было, что он на самом деле думает. Наши взгляды встретились, и я гордо задрала подбородок.

«Врешь, меня не запугаешь».

– Да, – сообщила я. – Десять попаданий из десяти.

Он смерил меня презрительным взглядом:

– Салага.

– А ты бы не спешил с выводами.

– Как тебя зовут-то?

Я на мгновение запнулась – с языка чуть не сорвалось привычное «Девочка 15». Но я нащупала в кармане карту, и прикосновение к ней придало мне уверенности. Карта – мой талисман.

– Двойка.

– Вы тут общайтесь, а мне пора, – сказал Шнурок. – У меня дел по горло.

И он, кстати, не врал. Крепостью телосложения и ростом Шнурок не отличался, охотиться не мог. Поэтому был на побегушках у Белой Стены, выполнял всякие поручения и помогал руководить общиной. Я его ни разу сидящим или там отдыхающим не видела – даже ночью. Он развернулся и скрылся за обломанной металлической перегородкой, я помахала ему вслед.

– Я Невидимка, – сказал мой новый напарник.

– А я знаю. Тебя тут все знают.

– Потому что я чужой.

– Это ты сказал, не я.

Невидимка мотнул головой, и я поняла, что на вопросы о своей прошлой жизни он отвечать не намерен. А мне не хотелось вести себя как все, и я прикусила язык и не стала лезть с расспросами. Не хочет разговаривать – ну и прекрасно. Конечно, всем до ужаса любопытно, что там такого с ним раньше приключилось, но только Белая Стена знал все – а если подумать, то, может, и не все. А я что – пусть Невидимка мне во время вылазки спину прикрывает, и довольно с него. Остальное не важно.

Он сменил тему:

– Шелк каждый день назначает, кому идти на охоту. Завтра она может выбрать нас. Надеюсь, она права, и ты действительно хорошо управляешься с оружием.

– А что случилось с твоим предыдущим напарником?

– Насчет него Шелк оказалась не права.

– Хочешь испытать меня?

Мелкота разошлась, вокруг стало пусто. Он вышел в центр площадки и пожал плечами.

– Ну, показывай, что умеешь.

Хитрый ход. Но не на ту напал – не такая уж я и неопытная. Нападая, не узнаешь манеру боя противника. Я лишь покачала головой и сжала кулак. Он почти улыбнулся – мелькнуло в глазах что-то такое. А потом полностью сосредоточился на поединке.

Некоторое время мы кружили друг вокруг друга. Я решила действовать осторожно – в конце концов, мне еще не приходилось видеть, как он дерется один на один. Нет, конечно, от Охотников меня было не отогнать, но Невидимка возвращался из патруля и пропадал из виду – не особо светился в общей компании.

Он нанес быстрый удар левой и тут же влепил мне перекрестный[2 - В переводе используется боксерская терминология – судя по всему, в тексте она и имеется в виду.]. Один я успела отбить, второй нет – хорошо, что он не со всей силы вдарил… Но я все равно едва устояла на ногах. И тут же зашла с другого угла – а вот тебе в ребра. И отступаем. «Ага, не ожидал, что я так быстро очухаюсь», – злорадно подумала я.

Вокруг собирались зрители. Я старалась не отвлекаться, но теперь уж оплошать нельзя – люди смотрят. А вот тебе по ноге… но нет, он отпрыгнул, а я неуклюже мотнулась вперед. Невидимка атаковал, я не успела увернуться – и он меня повалил. Я попыталась освободиться от захвата – какое там… Противник бестрепетно выдержал мой разъяренный взгляд – нет, не отпустит. Пришлось постучать по земле в знак того, что признаю себя побежденной.

Невидимка подал руку, помогая подняться.

– Хм, ничего так. Даже пару минут продержалась, надо же…

Я ухмыльнулась и ухватилась за его ладонь. А что было делать? Бормотать, что у меня еще руки от шрамов болят? Глупо. К тому же он сам все видит.

– Сегодня тебе просто повезло. Я бы не отказалась сойтись с тобой снова.

Он развернулся и пошел прочь, ничего не ответив. Наверное, это означало «может быть когда-нибудь».

Тем вечером я заботливо ухаживала за клинком. Дважды – нет, трижды – перепроверила снаряжение. Конечно, меня тренировали и учили. Но сон все равно не шел. Я лежала и прислушивалась – вокруг шла обычная жизнь. Это успокаивало. Вот мелкий заплакал. А вот где-то кто-то размножается – стоны боли перемежаются тихими вздохами.

Наверное, я все же задремала, потому что Шнурок меня разбудил – пинком под ребра.

– Вставай, поешь чего-нибудь. Пойдешь в патруль – совсем скоро. И запомни – я тебя будить не нанимался. Первый и последний раз поднимаю.

– Понятно, – тихо отозвалась я.

Ну надо же, уснула.

И я иду в патруль! Сегодня!

Меня захлестнуло возбуждение. Макнув пальцы в масло, я пригладила волосы, собрала их в положенный Охотнице хвост. И принялась снаряжаться: дубинку повесила за спину, кинжалы сунула в набедренные ножны. Перевязь я смастерила сама: Белая Стена говорил, что сделанное своими руками берегут больше, чем подаренное или выменянное, и думаю, он прав.

Я подошла к кухням, и глаза защипало от дыма. Медяшка что-то жарила над очагом, жир с шипением падал в огонь. Она вытащила нож и отрезала мне мяса. Оно жгло пальцы, но я заглотила кусок одним махом. До этого дня завтрака мне не полагалось – это была привилегия Охотников. Меня прямо раздуло от гордости.

Я посматривала на жующих Охотников – каждому достался невиданных размеров кусок. Да уж, таких я еще не едала… У всех лица серьезные, собранные – но никто не нервничал. Я огляделась, а Невидимка-то где?

Оказалось, он ел в одиночестве. С ним никто не разговаривал. Он так и остался чужаком – нелюбимым и подозрительным.

Когда мы поели, Шелк взяла слово:

– Ситуация такая: они подошли совсем близко. Ближе, чем обычно.

Мужчина-Охотник, имени которого я не знала, жестко спросил:

– Кто? Уроды?

Меня передернуло. Уроды… они выглядели почти как люди. Почти. Кожа вся в язвах, зубы острые, как бритва, а вместо ногтей – когти. Говорили, что их по запаху можно отследить, но вообще-то не очень понятно, как это сделать в туннелях. Там пахло всем, чем угодно, – и не особо приятно. Но Шнурок говорил, что Уроды воняют падалью. Обычно они довольствуются трупами, но и от свежатины не отказываются. Наша задача – сделать так, чтобы свежатина не попалась им в когти.

– Да, – кивнула Шелк. – Они что-то осмелели. Убейте всех, кого встретите.

Она подняла матерчатую сумку:

– Ваша цель – набить этот рюкзак мясом. Любым. Если это не мясо Урода, конечно. Хорошей охоты.

Все повалили к выходу. Я протолкалась сквозь толпу к Невидимке. Выглядел мой напарник устрашающе – даже по сравнению со вчерашним. Может, он старше меня всего-то на пару лет, но охотничьего опыта у него всяко побольше. Начищенное оружие Невидимки блестело – и его вид прибавил мне уверенности. Да, конечно, я хотела показать себя, но надежный напарник никогда не помешает. К тому же только дурак мог забыть, что предыдущий напарник Невидимки погиб при вылазке. Возможно, когда-нибудь потом он расскажет мне, как это произошло.

– Ну что, за дело? – усмехнулся он.

И мы пошли через кухни – в соседний туннель. Давным-давно мы навалили баррикады в ключевых точках – чтобы никто лишний не шлялся. Выходили через восточный завал, и мне пришлось цепляться, лезть вверх и карабкаться через кучу мусора. По мне, так ее следовало навалить повыше, но это дело Строителей – пусть каждый занимается своей работой.

За пределами освещенного анклава стояла темнота – я такой еще не встречала. Глазам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть. Невидимка ждал, пока я освоюсь.

– Мы что, так и пойдем? Без света?

Мне, кстати, никто про это не рассказывал. По спине побежали мурашки – тьма будила первобытный страх.

– Свет привлекает Уродов. А они не должны нас увидеть первыми.

Обдумывая сказанное, я ощупала перевязь с ножнами – словно одно упоминание этих чудищ могло вызвать их из тьмы. Сейчас как набегут, оскаленные и слюнявые… Дубина легко вытаскивалась из-за спины. Кинжалы хорошо ложились в ладонь.

Мы пошли вперед. Все чувства обострились. Конечно, нас учили двигаться и действовать в полной темноте, но я даже не догадывалась, что этот навык жизненно необходим на охоте. Радовало, что я слышала шаги впереди – потому что глаза не различали ничего, кроме расплывчатых теней. Понятно теперь, почему Охотники так часто погибают…

Невидимка проверял силки. В паре запуталась еда. Мясо. С другим напарником я бы чувствовала себя поспокойнее. Но не с этим. Ну, раз он поставил меня идти замыкающей в полной темноте и тишине – отлично. Я не трусиха. Я не боюсь.

Я повторяла это про себя бесчисленное количество раз, но тут мы свернули, и из туннеля послышались звуки. Где-то вдалеке кто-то с влажным чмоканьем к чему-то присасывался, между стенами гуляло эхо, и определить расстояние до источника звука не получалось. Почва под ногами стала неровной, то и дело попадались крупные камни и железяки. Невидимка растаял в темноте – он шел навстречу опасности. И я пошла за ним.

Мы вышли на перекресток, к которому сходились четыре туннеля. Потолок здесь растрескался и обвалился, повсюду валялся осыпавшийся сверху мусор. Откуда-то издалека сочился неприятный болезненный свет, и все вокруг обволакивало бледное сияние. В этой полутьме я заметила его. Моего первого Урода.

Мы двигались тихо, как пара ножей в воде, и чудище не успело ни увидеть нас, ни почуять. Оно сидело над чьим-то трупом и рвало мертвую плоть зубищами. Вокруг наверняка бродят еще Уроды. На занятиях нам объясняли, что эти твари сбиваются в стаи.

Невидимка молча показал, что этого Урода берет на себя. А я должна смотреть, не появятся ли другие. Я так же молча кивнула – мол, все поняла. Он двинулся вперед – стройная, тихая смерть. Тварь умерла мгновенно – от быстрого, как молния, удара клинком. Но успела визгнуть – теперь остальные наверняка предупреждены об опасности. Предсмертный вопль траурным эхом загулял в темноте.

В северном коридоре что-то задвигалось. Ага, еще двое – бегут прямо на нас. И тут у меня включились инстинкты, и для страха не осталось ни места, ни памяти. Кинжалы прыгнули в ладони – я не как другие Охотники, я могу биться сразу двумя руками.

Шелк права. Я – лучшая в своей группе.

Так я подумала, и первый Урод налетел на меня со всей дури. Я секанула снизу вверх и одновременно ткнула левой. «Бей в жизненно важные точки. Бей насмерть». В моей голове Шелк размеренно говорила: «Каждая лишняя минута боя лишает тебя сил, которые еще понадобятся».

Клинок вошел в гнилую, упругую, как губка, плоть и заскрипел по кости. Я стиснула зубы – промазала! Слишком высоко! Попала в грудную клетку! Тварь взвыла от боли и зацапала грязными когтищами, пытаясь разодрать мне плечо. Такому нас не учили – Урод двигался совсем не как человек.

Ну же, Двойка, соберись! Я ударила правой. Эх, сейчас бы хоть одним глазком взглянуть на Невидимку! Интересно, как он дерется? Но нет, это мой первый поединок, я не имею права выходить из него покоцанная, словно неумелый

молокосос. Я должна заслужить уважение напарника!

Удар ногой, и одновременно боковой выпад. Оба попали в цель, Урод обвалился на землю, фонтанируя мерзкой кровищей. Не такой, как у нас, – гораздо темнее, гуще и зловонней. А теперь – левой, удар прямо в сердце. Я проворно отскочила в сторону, чтобы бьющаяся в агонии тварь не располосовала меня когтями.

Невидимка разобрался со своим противником гораздо быстрее. Что ж, ожидаемо – у него опыта побольше, мягко говоря. Я вытерла клинки о тряпки на теле Урода и сунула их в ножны. В голове стукнуло: понятно теперь, почему Охотники беспрерывно полируют и чистят оружие. Меня передернуло: интересно, я эту дрянь с лезвия когда-нибудь отчищу?

– Неплохо, – заметил он наконец.

– Благодарю.

У меня получилось. Я пролила первую кровь. Шрамы на руках и кровь на клинке, так вступают на путь Охотника. Я гордо расправила плечи.

На земле осталось лежать три трупа. Ужасно, конечно, но их съедят другие Уроды. Эти твари не знали, что такое посмертные обряды. Друг на друга они не нападали – зато набрасывались на все, что ходило – или лежало мертвым – в туннелях. Уроды отличались завидным аппетитом.

Мы двинулись дальше, уже без приключений. В половине ловушек обнаружилось мясо. Под землей обитали всякие животные – разные на вид, но все мохнатые и на четырех ногах. Мы звали их одинаково – еда. Одного мне пришлось добить – зверек не свернул шею, а просто запутался и трепыхался в силке. Отчего-то мне стало жалко его – в отличие от Урода, которого я прикончила без сожалений. Но тут… теплое тельце повисло у меня в руках, и я горестно склонила голову. Невидимка молча взял и пихнул его в мешок к остальным. Мелкие голодны. Им нужна еда.

Не знаю, как он отсчитывал время, но вскоре мой напарник сказал:

– Возвращаемся.

На обратном пути я попыталась запомнить маршрут. Хотя об этом разговора не было, понятно, что вскоре Невидимка поставит меня ведущей. И не потерпит отговорок – впрочем, я тоже не собиралась отказываться. Так что по пути я тщательно запоминала повороты и считала шаги.

Мы вернулись в анклав не первыми – многие Охотники уже пришли и сдавали мешки. Шнурок принимал их, взвешивал мясо и раздавал похвалы или упреки. Нам он бросил «отличная работа», а вот паре за нами досталось презрительное «ну спасибо, мелкие из-за вас голодными останутся».

– До завтра, – сказала я Невидимке.

Он наклонил голову и обошел костер. И я поймала себя на мысли, что смотрю вслед и не могу отвести глаз от мускулистой спины и стройного тела. И от темных, ниспадающих на шею волос. Невидимка двигался сейчас так же, как во время схватки, – экономно, четко и быстро. Ни одного лишнего жеста.

– Ну и как он тебе? – спросила Шелк.

Ей исполнилось двадцать, она была повыше меня. Волосы она носила коротко остриженными, и они топорщились над головой светлой щетиной. Крепкая и сильная – настоящий лидер. Но вслед Невидимке она смотрела с нескрываемой гримасой презрения. Ей не нравилась его манера держаться – Невидимка не спешил выполнять приказы и не проявлял излишнего усердия. А все остальные бросались все делать по первому слову.

Но у меня в голове ничего определенного еще не сложилось, так что я пробормотала:

– Да пока рано что-то говорить…

– Граждане его боятся. Говорят, что он наполовину Урод. Иначе бы не выжил в туннелях.

– Чего только граждане не говорят… – прошипела я.

А Шелк, видно, решила, что я защищаю напарника, и скривилась:

– Именно. Причем некоторые говорят, что тебе лучше стать Производительницей. У той, что тебя родила, это отлично получалось.

Я стиснула зубы, развернулась и потопала к кухням. Надо бы отыскать Невидимку и потренироваться. Никто не вправе говорить, что из меня вышла плохая Охотница. Никто.

Хранитель слов

А два дня спустя они вызвали Камня, Наперсток и меня к Хранителю слов. Он обдумал дело белой бумажки и вынес решение. И хотя я точно знала, что мы ничего плохо не сделали, живот скрутило от страха.

Хранитель не выглядел таким старым, как Белая Стена, но что-то в нем было пугающее. Руки у него костлявые. А еще он высокий.

Он сидел и смотрел на нас тяжелым, мрачным взглядом.

– Изучив содержимое банки, я решил, что вы не могли знать, что в ней хранится. Слушайте мои слова. Вы – невиновны.

Я вздохнула с облегчением. А Хранитель продолжил:

– Вы поступили совершенно правильно, когда принесли мне документ. Он пополнит наши архивы.

Он имел в виду серый металлический ящик, в котором хранились все важные бумаги анклава.

– В награду за честность я решил прочитать вам этот документ вслух. Садитесь.

Ух ты. Это что-то новенькое. Наших знаний хватало, чтобы разобрать, что написано на предупреждающих об опасности знаках, но свободно читать никто не умел. Нас учили другому. Всяким полезным для анклава штукам. Так что в

ответ на приглашение я кивнула и села, поджав ноги. Наперсток и Камень уселись по обе стороны от меня.

Хранитель слов откашлялся и громко прочитал:

– «Примите наше искреннее и сердечное приглашение на свадьбу Энтони П. Сисеро и Дженнифер Л. Грант. Церемония состоится во вторник, второго июня 2009 года от Р.Х. Ист-Оливер авеню, 25. Просьба ответить. После церемонии бракосочетания состоится прием».

Звучало все это очень таинственно. Я бы засыпала Хранителя вопросами, но он и так сделал нам большое одолжение. Закончив чтение, Хранитель дал понять, что нам пора выметаться из его дома, и я повела всех туда, где можно посидеть и все обсудить.

Наперсток почесала за ухом:

– Интересно, а что такое «свадьба»?

– Может, праздник какой-то? Ну, вроде того, что мы устраиваем в день имянаречения…

А мне было интересно, почему приглашение засунули в коробку с ароматным порошком. Впрочем, я давно смирилась с тем, что всего в мире не поймешь. В анклаве каждый должен справляться с предписанной ролью. Времени на праздное любопытство не оставалось.

– Может, у тебя еще какие контрабандные штуки припрятаны? – засмеялся Камень. – А то давай, посидим, посмотрим – а потом и работать можно пойти…

Наперсток смерила его строгим взглядом.

– Ну и ничего смешного. Между прочим, за нами теперь наблюдение установят. На несколько недель точно. На всякий случай, конечно… – Тут она осеклась – в голосе прорезалась обида, и Наперсток испугалась.

«На всякий случай. Мало ли, может, мы что-то еще припрятали». В прошлом году мальчишку по имени Кегля застукали за хранением старинных документов и техники в комнате. Он прятал свои находки под тюфяком и во всяких пустых предметах. Охотники забрали всю его коллекцию и передали Белой Стене и Хранителю слов – на изучение. Ну и чтобы они приговор вынесли. Они сочли большую часть найденного крайне важным для нашего культурного развития, и мальчишку изгнали. А те, кого вышвыривали из поселения, не заживались. В туннелях никто не выжил в одиночку – ну, почти никто. Только Невидимка.

Нет, конечно, где-то еще жили люди. Мы – не единственный анклав. Иногда мы затевали торговлю с соседями, но до них три дня ходу по опасной территории. А ресурсов мало – слишком близко друг от друга жить не получается. Пока мы были мелкими, нам беспрестанно твердили и заставили заучить наизусть: нарушение природного равновесия чревато гибелью всего анклава. Мы в это верили, потому что это чистая правда.

Мы слышали про другие анклавы – они все исчезли. Вымерли – потому что их граждане не следовали правилам. Где-то бесконтрольно размножались и погибли от голода, где-то легкомысленно относились к гигиене и перемерли от грязной болезни. Вот почему правила нарушать нельзя. Соблюдение правил – залог нашего выживания.

Так что я полностью согласилась с Наперстком и осуждающе покачала головой:

– Слышь, Камень? Будешь болтать такое – держись от нас подальше.

От его веселости и следа не осталось.

– Я же пошутил…

– Мы знаем, что ты не всерьез это говорил, – мягко сказала Наперсток. – Но другие-то не знают…

Конечно, нет. Они же вместе с Камнем не выросли. Он иногда и впрямь болтал чепуху, но чепуху безвредную. Камень ни за что никому не причинил бы вреда – достаточно взглянуть, как он мелких укачивает. Но Белая Стена и Хранитель слов предпочитали поступить излишне жестко, чем дать кому-нибудь послабление – все ради высшего блага. А мне не хотелось, чтобы моего друга

выперли из анклава.

– Я буду осторожнее со словами, – покаянно пробормотал Камень.

Он выглядел очень несчастным.

Вскоре мы разошлись – работа ведь у всех разная. Умом-то я понимала, что дружбе нашей скоро настанет конец. Со временем Наперсток сблизится с другими Строителями. В конце концов, у них много общего, да и поговорить есть о чем. А Камень прибьется к Производителям. Ну а я сдружусь с Охотниками. Но мне не хотелось думать о приходе неизбежного – потому что тогда бы пришлось думать о том, что вскоре наши жизни необратимо изменятся.

Я подошла к месту сбора, когда Шелк уже начала говорить. Посмотрела она на меня косо, но при всех делать замечаний не стала. Я мысленно поблагодарила ее. Надеюсь, она не подумает, что я теперь все время опаздывать буду. Надо бы назавтра первой прийти… И вообще, я же так хотела стать Охотницей! Я горжусь шрамами на руках!

Шелк меж тем описывала обстановку:

– Не знаю, откуда их столько берется. Мы выставили заслоны, выслали патрули, но Уродов все больше и больше.

Я еще не знала всех Охотников по именам – этого коротышку тоже не знала, как звать. А парень сказал:

– А может, соседнее поселение… того… обратилось?

Тут все запереглядывались и забурчали, а Шелк одарила самых говорливых яростным взглядом. Ходили слухи, что Уродами не только рождаются, ими становятся обычные граждане – ну, если что-то такое, ну, что-то такое не то приключится. И что мы все со временем можем превратиться в Уродов. Я считала, что это чепуха и суеверия. Охотников и раньше у нас кусали, и что? Нет заражения после укуса – нет проблемы. Охотники продолжали и дальше нести службу в туннелях. Никто не превратился в слюнявое страшное чудище.

– Хватить пороть чушь! – рявкнула Шелк. – Лопочете, словно мелкие! Трусов нам не надо! Отправляйтесь к Производителям, если кишка тонка!

– Да его, страшного такого, в Производители и не возьмут! – засмеялась одна девушка.

По толпе пробежал нервный смешок, а коротышка залился краской. Страшным он не был, но отбора в Производители не прошел бы. В Производители старейшины определяли граждан привлекательной внешности. Ну или очень умных. Отбор был строгим, и, похоже, все работало без сбоев. Во всяком случае, мне жаловаться не на что.

Шелк обвела всех свирепым взглядом, и голоса затихли. Она удовлетворенно кивнула – будете, мол, меня слушаться.

– Наша задача, – продолжила она, – отыскать место, откуда лезут Уроды. Похоже, в туннелях завелось что-то такое, что гонит их в нашу сторону.

Она развернулась к нам с Невидимкой:

– Вас я освобождаю от сбора мяса из силков. Этим займутся другие. А вы двое проверите, что в боковых коридорах происходит.

Итак, наказание за опоздание не заставило себя ждать. А Невидимка огреб просто за то, что он Невидимка. Шелк его терпеть не могла – правда, она не одна такая. Невидимка ни с кем особо не сближался. И так и не стал частью анклава – даже после того, как получил имя и шрамы.

– Всем все понятно?

Я жалко покивала. А как это можно было воспринять? Только как выражение неудовольствия. Получай, Двойка, за то, что сделала. В этих боковых ответвлениях чего только не увидишь – грязюка по колено, какие-то пути и вовсе затоплены. А в других такое творится, что словами не скажешь… я-то, конечно, сама там не была, но еще с мелкого возраста завела привычку подсаживаться поближе к Охотникам и слушать, что они говорят. Охотники травили байки, а я мотала на ус. Ну и пыталась представить себе то, о чем

рассказывали.

– Удачной охоты!

Шелк соскочила с ящика, который всегда таскала с собой на летучки. Ей не нравилось смотреть на подчиненных снизу вверх. Невидимка подошел ко мне сразу после того, как инструктаж завершился:

– У тебя, я смотрю, дела поважнее, чем работа, сегодня нашлись?

Выходит, и он винит меня за то, что нам поручили такую гадость. Ну, может, он и прав.

– Меня призвал Хранитель слов. Считаешь, нужно было отказаться идти?

За такое меня бы вздрючили гораздо сильнее – одним днем патрулирования в грязных отнорках я бы не отделалась. А коридоры – ну что коридоры. Переживем как-нибудь и это. Другие Охотники не погибали там. Ну, грязные возвращались. Ну, злые. Но это ж не смертный приговор.

– Нет, не стоило. Ладно, давай за дело.

– Я так поняла, нам нужно найти, почему Уроды на нас лезут? Что-то, что их гонит в нашу сторону?

– В нашу сторону их гонит голод, – отрезал Невидимка. – И никаких других ответов на этот вопрос мы не отыщем. Но я хороший мальчик и делаю то, что мне сказали.

Голос его звучал насмешливо, словно он и впрямь полагал, что слушаться и выполнять приказы – это что-то плохое. Я хотела ему объяснить, а потом передумала и просто молча пошла за ним. Бесполезно что-то доказывать человеку, если он сам до сих пор не понял. Да уж, с таким отношением он никогда не станет одним из нас. Невидимке, похоже, есть дело только до себя и собственных желаний.

Я проверила оружие, прежде чем лезть через завал. На баррикаде всегда кто-то дежурил – на случай, если врагам удастся избежать наших ловушек. Обычно сюда ставили провинившихся – ну, по мелочи – Охотников. Наказанием служила скука, от которой на таком дежурстве аж зубы сводило. Ничего никогда не происходило. Нападений Уродов не случалось с тех пор, как я родилась, но люди, конечно, рассказывали страшные истории, как оно все раньше было и как Уроды регулярно перли на анклав.

«Псих он, этот Невидимка», – недовольно думала я, мрачно поглядывая ему в спину. Правила и приказы необходимы! Только они нас защищают! А люди, выполняющие приказы, нас охраняют и трудятся ради всеобщего блага!

Вместо того чтобы следовать обычным маршрутом – его-то я хорошенько запомнила, – Невидимка резко свернул налево и зашагал вниз по полузатопленному туннелю. Как и в том проходе, где мы в прошлый раз нарвались на Уродов, потолок обрушился, и из разлома изливался поток грязной воды. Невидимка аккуратно обошел лужу, я ступала след в след. Вдоль стен, выше пола туннеля, шел каменный бордюр. Если идти по нему, не провалишься в грязищу – а грязищи там было по пояс. Пахло отвратно, я быстро отвела взгляд – не хотелось смотреть на то, что плавало в луже. А плавало там всякое – и мусор, и – тьфу! – разная живность. Туннель забирал вверх, уровень воды постепенно падал. Вскоре показалась влажная земля. Света мало, но хоть не так темно, как в других проходах. На кирпичной стене висел полустертый знак: «Сл…ж…бн…й п…оход. Тол…к… дл… п…р…с…на…л…». Читать я как следует не умела, так что понять, каких букв не хватает, не смогла.

Невидимка шел все так же впереди меня. И вдруг застыл, прислушиваясь. Я ничего не слышала. Но спрашивать не стала. Хороший Охотник доверяет инстинктам напарника. Даже если этот напарник несколько асоциален. Я сосредоточилась – и расслышала это. Слабый, далекий звон. Словно кто-то бьет по металлу. Невидимка пригнулся и пошел на звук с обнаженным кинжалом в руке. Я тоже вытащила клинки и пошла за ним, то и дело оскальзываясь в грязи.

– Что это?

Он коротко глянул через плечо:

– Сигнал. Кто-то зовет на помощь.

Стоило ему сказать это, как я тут же поняла – ну да, сигнал. Звон повторялся через определенные промежутки. Расстояние и эхо искажали его, так что мы добрались до источника звука позже, чем я ожидала. Хотя и припустили во весь дух. Хорошо, что я тренировалась на совесть, а то бы отстала. Но выдержала, выдержала. Бежал Невидимка долго, и мы проделали немалый путь – выскочили из боковых проходов и помчались дальше по широкому туннелю. Я перестала понимать, насколько далеко мы забрались – Невидимка то и дело сворачивал.

Обогнув очередной угол, мы очутились около одной из этих здоровенных металлических коробок – ну, тех, что на боку лежали. Звук доносился из нее. Невидимка махнул рукой – иди, мол, на дальний конец. Правильно, нужно с разных сторон заходить. Если это ловушка, то хоть вместе не попадемся.

Я полезла через изломанный металл и битое стекло. В таких местах нужно беречь ноги и руки. Наконец мы оба вышли на позицию. И одновременно прыгнули внутрь. Пахло какашками и гнилой кровью. Глаза быстро привыкли к темноте – для Охотника это полезный навык. Я упорно тренировалась после вылазки: училась ходить вслепую. Это пошло на пользу.

Я всмотрелась в темноту, изучая нутро огромного ящика. Раньше мне не приходилось бывать в этих укрытиях. Оказалось, в них понатыкано металлических шестов, а еще устроены сиденья. Никаких чудовищ не обнаружилось. Зато я увидела худющего мальчика. Человека. Такого мелкого нельзя выпускать из анклава! Что он здесь делает? Не охотится же – какой из него охотник… правда, он держал длинную полосу металла – что ж, такая штука годится и чтобы дать отпор, и чтобы подать сигнал. Сил, похоже, у него совсем не осталось: он лежал на боку и, колотя по полу, выбивал железякой тот самый сигнал. Поначалу он нас даже не заметил.

Я опустилась на колени – подальше от зазубренной полосы металла в его руке. Он сделал отчаянный выпад. Целился он из рук вон плохо – мне даже уклоняться от удара не пришлось.

– Мы тебя не тронем. Мы пришли на помощь.

И тут он развернулся ко мне. Даже в темноте я разглядела: глаза у него странные, какие-то белые. Да этот мелкий слеп! Совершенно слеп! Меня продрала дрожь: в нашем анклаве он бы не пережил младенчества. Старейшины

не стали бы тратить продовольствие и прочие ресурсы на того, кто не способствовал делу выживания общины.

– Люди, – выдохнул мелкий. – Вы – люди…

– Да. А ты недалеко от Колледжа. Это наш анклав.

Мелкий с облегчением покивал и опустил оружие.

– Мне нужно поговорить с вашими старейшинами.

Интересно, что скажут старейшины, узнав, что мы ослушались приказа, покинули назначенные нам для патрулирования боковые коридоры и привели заплутавшего чужака. Тем более такого. Но оставить его здесь умирать я не могла. Невидимка молча смотрел на меня. Испытывал он меня так, что ли? Но я приняла решение. Даже если меня накажут снова и отправят с поручением похлеще, чем боковые туннели обходить, – ну и пусть.

– Ты можешь его понести? Похоже, он не сможет идти.

– Он легкий. Конечно, смогу. Но если попадем в передрягу, будешь отбиваться. Сумеешь, салага?

Голос у него звучал напряженно, я бы даже сказала – беспокойно. Мне это понравилось.

– Поживем – увидим, – отрезала я.

Невидимка ничего не ответил, поднял мелкого и перекинул через плечо. И полез наружу. Я сунула один кинжал в ножны, второй зажала в зубах и полезла следом. К счастью, я запомнила все повороты. И считала их, пока мы бежали. Поэтому обогнала Невидимку и пошла быстро, но так, чтобы он со своей ношей не отстал.

– Придется прорываться с боем, – тихо сказал он.

Мы шлепали по стоячей воде.

– Угу. Уроды чуют ослабленных издалека, – так же тихо ответила я.

И если Невидимка прав, и они лезут на анклав потому, что голодают, мы для них сейчас – двуногая добыча. Стая Уродов может завалить Охотника с напарником. Охотники погибали – профессиональный риск, ничего не попишешь. Но дорого продавали свои жизни.

На перекрестке четырех туннелей они налетели на нас со всех сторон.

Засада

Они бросились на Невидимку и мальчика – напарник одной рукой придерживал мелкого, другой отбивался кинжалом. Я выхватила дубинку. На этот раз Уродов набежало четверо – на такую стаю и оружие надо помассивнее. «Ну же, Двойка! Действуй!» Я размахнулась со всей силы и обрушила дубинку на череп Урода. Мерзкая башка раскололась.

Остальные трое развернулись – сразу сообразили, что я представляю для них угрозу. Пригнувшись, я готовилась отразить атаку – и в последний момент откатилась в сторону. Рубашка сзади вся облипла от грязи, но я быстро вскочила на ноги у них за спиной. Одного тут же полоснула под коленями и вдобавок наподдала ногой сбоку.

Вблизи стало очевидно: Уроды изголодались до полусмерти. Невидимка прав. А я – быстрая, сильная, сытая. Схватки как таковой не было – да они и не умели драться в команде. Только бросались, рычали и цапали лапами. На каждый прыжок я отвечала пинком или ударом увесистой дубинки. Грязную воду вокруг заливала кровь, хрустели кости. В конце боя на земле осталась лежать груда тел. Их сожрут другие Уроды.

Брр… Даже думать о таком противно.

Мелкий свисал с плеча Невидимки и плакал. Ну, если бы мне пришлось вот так кверху задом на ком-то болтаться и все это слушать, я бы тоже разревелась. Невидимка похлопал мальчика по спине. Тот прислушался к бормотанию

напарника и затих. На самом деле Невидимка не пытался его успокоить – он предостерегал: «Ну же, ну же, замолчи, да замолчи же ты наконец, а не то…»

– Заметила, как они напали? – спросил он.

– Ага. Со всех сторон.

На лице у Невидимки читалось беспокойство – похоже, его, как и меня, встревожила невиданная смекалистость Уродов. Если они и впрямь поумнели, мы влипли по-серьезному. До сих пор твари способностей к стратегическому планированию не проявляли. Но если они развились и научились думать по-настоящему… м-да, мы и так еле-еле выдерживали их натиск. Любое изменение не в нашу пользу – и хрупкое равновесие нарушится. Нам придет конец.

И все же мы обязаны вернуться – пока нас не хватились. Не ровен час, Шелк узнает от кого-то, что мы не в боковых туннелях, а непонятно где! Тогда пиши пропало – нам не поздоровится. Лучше мы явимся раньше, чем кто-то донесет на нашу нерадивость.

Перескочив через кучу трупов, я пошла вперед – и привела нас к баррикаде, ни разу не свернув не туда. Меня аж распирало от гордости. Я ведь один раз прошла этим путем – и запомнила все повороты! Я обернулась к Невидимке – ну, что на это скажешь? Он не только ничего не сказал, но даже и виду не подал, что заметил мои невероятные достижения. Вместо этого он спустил мелкого с плеча и взял на руки. Когда мы подошли, часовой остановил нас – ожидаемо, конечно.

– Что-то вы слишком рано. Ваша работа еще не окончена! А это что такое?

– Мне нужно поговорить с вашими старейшинами!.. – пропищал мелкий.

Здесь, в более ярком свете, стало видно, что парнишка выглядит не очень. Личико покрывал толстый слой грязи, щеки ввалились от голода и обезвоживания. В уголках рта запеклись болячки, кожа потрескалась. А белые глаза смотрелись и вовсе жутко. Брр, пакость какая… Часовые тоже хорошо разглядели гостя. Они резко отступили, выхватили оружие и преградили нам путь.

«Я так и знала. Я так и знала, что случится что-нибудь плохое…»

– Что здесь происходит? – услышали мы свирепый голос Шелк.

Я посмотрела на Невидимку, но тот лишь дернул плечом. Похоже, это значило, что разговаривать с начальством предстоит мне.

– Мы обнаружили его в укрытии, и он сказал, что принес важные новости.

Конечно, я немного преувеличила. Но признавать, что мне просто не хватило духу оставить мальца там, где мы его нашли, тоже не годилось. Первое правило Охотника гласит: «Выживают сильнейшие». А я – я оказалась непозволительно мягкотелой. Нарушила правило. И еще неизвестно, что скажет начальству Невидимка – возможно, он предпочтет отчитаться совсем по-другому.

– У меня действительно важные новости, – просипел мелкий. – Меня послали к вам из Нассау.

Нассау – ближайшее к нам поселение. Три дня пути по туннелям для сильного человека, идущего скорым шагом. А они послали этого заморыша? Странно…

– Они послали меня, потому что, если я погибну, никто не пожалеет, – продолжил мальчишка.

Это похоже на правду. Старейшины могли принять такое решение.

– Охотников они отправлять не хотели – их и так слишком мало. Мы окружены стаями Уродов. Люди надеются, что если я прорвусь к вам, вы меня выслушаете и вышлете помощь.

А вот это вряд ли. Нет, конечно, Колледж поддерживал с Нассау торговые отношения, но мы не заключали союзнического договора. И помогать друг другу в беде не уславливались. Каждый анклав сам по себе. А выживет поселение или нет, долго ли продержится – это проблема поселения. Но Шелк хотела получить информацию – ее беспокоила небывалая активность Уродов. Надо иметь это в виду, если придется оправдываться. Нам вполне могут предъявить обвинение в том, что мы проявили преступную мягкотелость и покинули пост без

разрешения.

– Так они и Нассау взяли в кольцо? – тихо спросила Шелк.

Лицо у нее стало мрачнее некуда.

– Что ж, старейшинам нужно сообщить эти новости. Мы тебе за них признательны.

И тут она развернулась к нам с Невидимкой.

– Ну а вы двое…

Шелк улыбнулась. Причем так, что я сразу поняла: нам не поздоровится.

– Я смотрю, вы двое решили, что исполнять мои приказы необязательно. А поскольку к нам поступила новая информация, вы и займетесь ее проверкой. Отправитесь в Нассау.

– Что, только мы вдвоем? – ахнула я.

М-да, Шелк и правда Невидимку терпеть не может. Это у нее на лице написано.

– Какие-то проблемы, Охотница? Приказ непонятен или что?

– Нет, сэр! Когда прикажете отправляться?

Шелк злорадно ухмыльнулась:

– Если мелкий не врет и Уродов и впрямь так много, как он говорит, я освобождаю вас от обязанности убивать их. У вас чисто разведывательная миссия. Задача: установить причину перемены поведения Уродов. В старые времена они беспрерывно нападали на анклавы. А потом перестали – до них дошло, что нас надо бояться. Оружия, ловушек. Вы должны выяснить, почему они нас больше не боятся. Возможно, это окажутся важные сведения.

– А что будет с ним? – Невидимка приподнял мальчика.

Шелк пожала плечами:

– Он свое дело сделал. К тому же он даже в Нассау не нужен.

У меня с языка чуть было не сорвалась просьба дать мелкому поесть и напиться. Показать лекарю, наконец. Но взгляд Шелк пригвоздил меня к полу, и я промолчала. Начальница скривилась и махнула рукой часовому – мол, забери этого пащенка. Тот повиновался, хотя парня аж перекосило, словно он притронулся к трупу. Я прикусила язык. Во рту потекла кровь. Надо быть жестче. Надо. Быть. Жестче. Или из меня не выйдет Охотницы. А что, иногда людей переводили на другую работу. Конечно, шрамы у меня не отобрать, но старейшины могут заставить надеть повязки, их скрывающие. И отправить в Производители.

В анклаве их много, кстати. Нужно же поддерживать численность населения. Гораздо меньше граждан определяли в Строители или Охотники. Нам часто рассказывали о том, как важны Производители. Старики говорили: «Кто знает, может, и тебе придется со временем стать Производителем». Конечно, никто ни на кого пальцем не показывал, но на самом деле почти все в анклаве – из породы Производителей. Вслух это говорить не рекомендовалось, потому что тут же начинали скандалить те особо элитные граждане, чьи прародитель и прародительница были Охотниками – ну, до того, как им по возрасту пришлось сменить работу.

Так что я промолчала. Мелкий плакал, и на этот раз Невидимка не пытался его утешить. Он просто стоял рядом со мной и тоже ничего не говорил. Но его молчание имело совсем другие причины. А еще я почувствовала – да так явно, словно бы на меня муха с жужжанием налетела, – что я его разочаровала. И стало мне горько, и противно, и страшно, потому что завтра нам нужно отправляться в Нассау. Вряд ли Шелк ожидала, что мы вернемся живыми и здоровыми. Может, я и лучшая в ее группе, но незаменимых у нас нет. И она хотела мне это наглядно доказать. А если я вдруг выживу, Шелк желала, чтобы я вернулась с полным пониманием: здесь нужно подчиняться приказам, а не своевольничать.

– Разрешите идти? – спросил Невидимка.

– Разрешаю, – улыбнулась в ответ Шелк. – Чтоб завтра без опозданий.

Невидимка больно вцепился мне в руку и поволок в лабиринт навесов и перегородок. Я не понимала, куда мы идем. Потом мы оказались перед чьим-то жильем. Поскольку Невидимка полез туда, наверное, это был его навес. А чей еще, с другой стороны? Даже такой, как он, не станет нарушать все мыслимые и немыслимые правила и проявлять столько неуважения к хозяину жилья. Вот почему я стояла перед занавеской, пока не услышала:

– Заходи.

Не очень-то вежливое приглашение, и не сказать, чтобы оно мне понравилось. Но я зашла. Жилище Невидимки выглядело весьма похожим на мое. У нас у всех одинаковые условия, чего уж.

– Ну?

Он шлепнулся на ящик, уперся локтями в колени. А на лице у него проступило какое-то новое выражение. Мне такого еще видеть не приходилось. И понять, что он чувствует, я не могла. Но меня как под дых ударили. И кожа мурашками пошла. А мне нужно пойти помыться и заняться чисткой оружия. В особенности дубинки. И вообще, что я здесь делаю? От него одни проблемы! Как Шелк меня определила к нему в напарники, так неприятности и посыпались!

– Они его убьют, – хрипло проговорил он.

Ох. Зачем он это сказал… Какое мне дело, я же Охотница! А вот было мне дело, было… Но почему?! Моя задача – заботиться об общем благе! Для чего нужна моя работа? Чтобы граждане жили и трудились в безопасности и покое! И мы не обязаны защищать обнаруженных в туннелях мелких! Ну, только если они не как Невидимка – сильные и способные выжить самостоятельно. Мы не можем расходовать ресурсы на то, чтобы кормить и выхаживать слабаков!

– Я знаю.

– На его месте мог быть я.

– Не мог, – отрезала я. – У тебя нет физических дефектов.

Его черные глаза вспыхнули, как уголья, и он вскочил на ноги:

– Да… да как ты можешь так говорить?! Какая… мерзость!

Он надвинулся на меня, но я не отступила:

– Ну так что ж ты с нами живешь? Раз мы такие мерзкие? Я тебе скажу, почему. Потому что здесь всяко лучше, чем там.

– Да ну? – тихо спросил он. – А тебе откуда знать?

Я удушливо покраснела – опять за свое. Намекает, что у меня ни опыта, ни знаний. Но я все равно не отступила. Охотница я или нет?

– Был бы у тебя выбор, ты бы давно отсюда ушел. Ты же ненавидишь анклав. И нас всех тоже ненавидишь.

– Не всех. По крайней мере, до сегодняшнего дня, не всех.

– И все из-за того мелкого.

– Иди отсюда, – процедил он и повернулся спиной. – А я-то, дурак, думал, с тобой поговорить можно. Думал, ты хоть что-нибудь поймешь.

Стиснув зубы, я вылетела за занавеску и снова оказалась среди шалашей и навесов. Мимо шел какой-то Строитель. Он насмешливо оскалился:

– Ага! К парню заходила! У тебя будут неприятности, ха-ха! Но если кое-что для меня сделаешь, я никому не скажу!

О, нет, нет. Только не сегодня! Да, конечно, я нарушила не очень важное, но правило – к парням без сопровождающего не входят. Но разбираться со всем этим мне было невмоготу.

– Да я там всего ничего пробыла! Что между нами могло произойти? Так что давай, шагай дальше. Свалишь прямо сейчас – нос не расквашу! Не свалишь – пеняй на себя!

Я схватилась за дубинку, и паренек припустил прочь. Видать, сообразительный попался. Наверняка донесет, но это ерунда: его слово против моего и никаких свидетелей. К тому же завтра я отправляюсь в Нассау и могу не вернуться, так что мелкое наказание за мелкое правонарушение – это не то, что меня сильно обеспокоит.

Забежав за чистой одеждой, я отправилась туда, где располагались удобства для женщин – в огороженную и недоступную для мужского населения часть анклава. Из металлических труб постоянно подтекала более или менее чистая вода. Кто это придумал и когда – нам невдомек, но мы были благодарны неведомым Строителям за проточную воду. Пили-то, конечно, только кипяченую, но эта, из труб, вполне подходила для того, чтобы мыться.

В этот час вокруг не было ни одного человека, и мне, по правде говоря, это нравилось. А то есть такие девицы, что любят формами мериться. Не знаю, я к телу относилась как к машине. Все должно быть просто и незатейливо. Уход и еда нужны, чтобы тело оставалось сильным и не подвело в нужный момент.

Я разделась. Нежарко здесь, да и вода холодная – брр, неприятно. Подцепив ладонью мыло из банки на полу, я быстренько обмазалась им под тоненькой струйкой. Нет, конечно, можно и сильнее открыть – только колесо поверни. Но тогда меня отчитал бы Шнурок – он следил, чтоб никто ресурсы не разбазаривал.

Домывшись и переодевшись в чистое, я подуспокоилась. И перестала злиться на Невидимку – нечестно это. Он не виноват, что вырос таким. Нам с рождения втолковывали: как воспитают – так и будешь жить. А вот люди из Нассау – они очень странные, надо сказать. Размножались безо всякого плана и расписания, вот и выглядели… хм… скажем, совсем не так, как мы. Вот, к примеру, когда они торговать приезжали, то пахло от них сильно – видно, о чистоте они тоже не особо пеклись. Мы им, конечно, предлагали пройти, где у нас удобства, и помыться, а они только черные зубы в улыбке показывали и говорили: «А зачем? Мы ж все равно на обратном пути попачкаемся…»

Но вот что-то давно их никто не видел, людей из Нассау. Не считая того мелкого…

А Невидимка вообще из какой-то дальней дали на нас выбрел. Во всяком случае, так мне показалось. Понятно, что он ни с кем ничем таким не делился – ни со мной, ни с другими. Вообще ни с кем.

А еще я жалела, что вляпалась с ним на пару. И чего я за ним пошла? Надо было оставаться в боковых проходах и выполнять задание! Делать, что приказано! Тогда бы мы не нашли этого мелкого, и в Нассау бы нас не отправили… Но есть еще и второе правило Охотника, и вот ему я как раз последовала. Первое правило – «Выживают сильнейшие». Второе – «Доверяй напарнику». Просто не повезло, что в напарники мне достался именно Невидимка.

Так что хватит сопли распускать – дел невпроворот. Для начала я постирала грязную одежду и повесила сушиться. Затем пришел черед дубины – чистка, полировка и все такое прочее, чтобы кровь Урода на дереве не схватилась. Покончив с оружием, я почти смирилась с тем, что произошло. Если подумать, то за нарушение приказа нас могли наказать куда суровее. А шанс пережить это путешествие у нас есть – если не шуметь и быть начеку.

Перед отходом ко сну мне захотелось куда-то пойти – ну, чтобы расслабиться. Или хотя бы попытаться. Наперсток и Камень тоже закончили работу и после смены обнаружили меня там, где все обычно собирались: я наблюдала, как Производители и Строители играют в угадалку. Тупая игра, конечно, но я все равно сидела и смотрела. Охотники развлекались и отдыхали не здесь, но идти к ним не хотелось. Там мог и Невидимка оказаться – ну его совсем. К тому же я не знала, как Охотники ко мне отнесутся после всего, что случилось. Новенькая, да еще и такая строптивая – мало ли что они обо мне подумают.

– Это правда? – прошептал мне на ухо Камень.

Спрашивать, кто и что им насплетничал, было неохота.

– А что, если и правда? – отфыркнулась я.

– Ты что, действительно самовольно покинула назначенное для патрулирования место? – ошеломленно переспросила Наперсток.

Вот оно что. Это ж надо, как нас с Невидимкой расписали.

– Да, – отрезала я.

С одной стороны, мне хотелось переложить всю вину на Невидимку. Мол, я тут ни при чем, это все он – побежал вперед, а я что? Я за ним, у меня работа такая! Но ведь я же не возразила ему. Я не заорала в спину: «Эй, ты куда собрался? Нам назначено патрулировать вот эти туннели! Эти, а не те!». Я сорвалась и побежала – потому что инстинкт потребовал от меня сорваться и бежать на помощь. Тому, кто сигналил. В качестве самооправдания я могла бы сказать: побежала посмотреть, может, там Уроды собираются. Но Уроды не подают друг другу сигналов. Они просто набрасываются из темноты. Так что там, в туннеле, я сделала свой выбор и теперь расплачиваюсь за последствия. У Камня и Наперстка лица стали совсем одинаковые – удивленные до невозможности. Словно они не могли поверить, что я и вправду так поступила.

– Но почему? – наконец спросил Камень.

«Потому что я никакая не Охотница. В Охотники слабаков не берут. С таким мягким сердцем дорога мне – в Производители». Но не говорить же этого вслух? А другого ответа у меня не нашлось. Хорошо, они не очень напирали.

Наперсток похлопала меня по руке:

– Зато новости из Нассау пришли. А то старшие Строители все удивлялись – чего это они больше торговать не приходят?

Похоже, о мелком они не знают. А может, знают, но им плевать. И мне должно быть наплевать! Но его изможденное личико с белыми глазами все не шло у меня из головы.

– А что, тебя и вправду туда отправили? – Камня разбирало любопытство.

– Ага. На разведку.

Якобы. Похоже, все, что я думала об этой «разведке», отразилось у меня на лице.

– Ох, Двойка… – прошептала Наперсток.

И они прижались ко мне и обняли – каждый со своей стороны. И я не сопротивлялась.

Путешествие

Утром, когда все сошлись к месту сбора, Охотники отводили глаза, чтобы не встречаться со мной взглядами. С таким напарником мне никогда не стать как они. Не стать частью братства – а ведь я так мечтала об этом. Никогда не завоевать их уважения. К тому же я умудрилась опоздать к общей встрече, самовольно покинула назначенное для патрулирования место и приперла в анклав мелкого из Нассау – нет чтобы выполнять приказ, как положено. Сжав зубы, я сосредоточилась на голосе начальницы. Шелк завершила речь своим обычным:

– Всем все понятно по поводу сегодняшней работы? Все понятно? Тогда хорошей охоты.

Люди стали расходиться, а Шелк заступила нам с Невидимкой дорогу.

– Дорога тяжелая. Идти три дня, не меньше. Ждать будем семь дней. Не вернетесь через семь дней, значит, вас съели. Ваши места займут другие – у меня есть на примете двое подходящих мелких. Это понятно?

– Да, сэр, – пробормотали мы с Невидимкой.

– Вы уже собрались? – поинтересовалась Шелк.

Вода, вяленое мясо, одеяло, карта туннелей, сменная одежда, оружие – в принципе, да, собрались. Я кивнула. Шелк, похоже, вполне удовлетворилась нашими ответами – и нашей покорностью. И отошла в сторону. Да уж, если выживем, ни за что больше не станем так портачить на задании – и она это знала, и мы это знали. В следующий раз, если Невидимка опять брыкнет, я

никуда с места не сдвинусь. Надо будет – огрею дубинкой по голове и протащу по назначенному начальством маршруту. Ибо нечего. Хватит с нас и этого наказания.

К баррикаде на выходе я подошла первая, подволакивая ноги от страха. Стражники не насмешничали, правда, вчера здесь стояли тоже они – поэтому один не сдержался и хихикнул, глядя на меня. Интересно, уж не ему ли приказали убить того мелкого? Нет, не хочется о таком думать. Я отвела взгляд и перескочила через барьер.

«Правила нужны для нашей защиты», – упрямо сообщила я себе. Но внутри, в сердце, было кисло и противно. Может, Камню и впрямь повезло, даже несмотря на то, что у него мелкие мрут, а он страдает. Ему-то таких наказаний не выпадает…

Невидимка скакнул следом за мной. В руке он держал карту туннелей. Молчал он выразительно – я бы сказала, жгуче молчал. Отсутствие слов палило не хуже раскаленных ножей, которыми Шнурок прижигал мне порезы. Все так же молча он протиснулся мимо меня и побежал к первому повороту. Отстану – так и уйдет без меня. Бросит в темноте. Я в этом не сомневалась.

Мы бежали все утро – без отдыха, без перерыва. Я на ходу отпивала воды из фляжки. Она была сделана из чего-то легкого и прочного – реликвия из далекого прошлого. Ее кто-то раскопал в туннелях, принес в анклав и отчистил. Я еще когда мелкой была, тут же на нее положила глаз – Охотнику такая штука может очень и очень пригодиться! И как только в руках у меня оказалась подходящая для обмена вещь, фляжка перекочевала ко мне.

Я привычно ступала за Невидимкой след в след – даже в полной темноте. Время от времени через раскуроченный каменный потолок пробивались лучи света и освещали грязь под ногами – фу, лучше уж темнота. Глазам представало неприглядное зрелище: унылый туннель, ручеек грязной воды на дне и мелкие твари, прыскающие из-под ног.

Как и Невидимка, я хорошо знала маршрут. Точнее, я выучила его заранее. И неусыпно следила за тем, куда напарник меня ведет. А что, с него станется завести меня подальше от Колледжа, мимо Нассау, и бросить в темноте умирать. Вчера он прямо взбесился и вполне мог отомстить. И тогда я в первый раз

усомнилась – а все ли чисто со смертью его первого напарника?

«Насчет него Шелк оказалась не права», – сказал он тогда. А может, Невидимка имел в виду совсем другое. Может, тот человек тоже не разделял его безумные эгоистичные идеи, и Невидимка разозлился? Может, бедняга был виноват лишь в том, что честно служил анклаву? Внутри у меня все сжалось от страха. Надо быть начеку. Неусыпная бдительность – вот что мне нужно. В паре мест я учуяла Уродов, но мы мчались слишком быстро, и они не успели наброситься. Только орали и рычали из соседних проходов.

Не знаю, как долго мы бежали, но когда Невидимка все-таки остановился отдохнуть, колотье в боку переросло в огненную боль. Здесь туннели выглядели по-другому – на стенах виднелись разводы черной и красной краски, да и от прошлого больше следов осталось. Дым от наших костров сюда не проникал. Положительно, мы забрались в самую глушь.

Справа вдоль стены шел каменный уступ. Мы залезли на него – подальше от искореженных железяк и осколков камня. Прислонившись к стене, мы сидели и отдыхали. Хорошо, когда спина прикрыта, и напасть могут только спереди. Я вытащила из сумки кусок вяленого мяса. Даже в анклаве мы не особенно разнообразно ели: свежее мясо, вяленое мясо, грибы – вот и все разносолы. Время от времени кто-то находил банку, мы ее вскрывали, и там оказывалось что-то ароматное и возбуждающее аппетит. Но такое случалось редко, очень редко.

Я поела. Выпила немного воды. Нужно экономить припасы – до Нассау путь неблизкий. А самое главное, нет гарантии, что мы сможем пополнить запасы там. Если тот мелкий говорил правду, и их поселение едва держалось, его вполне уже могли разорить Уроды.

– Пора идти дальше, – сказал Невидимка.

Это были его первые слова за все время пути.

– Впереди еще четыре часа ходу. Потом встаем лагерем на ночь.

– А ты откуда знаешь?

В анклаве была пара часов – по ним отсчитывали время. Часы раздобыли давным-давно, еще когда выбирались на Поверхность. Правильное они время показывали или нет, не знал никто. Но какая, в конце концов, разница. Главное, отмерять время и поддерживать общий режим.

Вместо ответа он сдвинул рукав и показал запястье. В отличие от других, Невидимка не выставлял шрамы напоказ. На руке у него обнаружились небольшие часы – таких мне еще видеть не приходилось.

– Это чего такое?

– Часы. Наручные.

Стрелки у них светились – вот почему он может даже в темноте знать, сколько времени прошло. Теперь ясно, как он понимал, что пора заканчивать патрулирование. Или что нам еще четыре часа ходу по туннелям. Я кивнула, поправила снаряжение и спрыгнула с каменного уступа. Хорошо, хоть поели спокойно. Но раз пора – значит, пора. Хотя все тело болело и каждый мускул жаловался на усталость.

В этот раз темп задавала я. Конечно, бежать с Невидимкой за спиной не очень-то приятно, но и показывать ему свой страх тоже не годилось.

По дороге мы четыре раза чуть не напоролись на Уродов – это не давало расслабиться. Они попытались напасть на нас, но не догнали – Уроды ведь слабые и медлительные. Мы поняли друг друга без слов – драки не будет. Драка – дело рискованное, а вдруг ранят? Тогда мы станем желанной добычей. Рядом с анклавом убивать Уродов – это пожалуйста. Мы так защищали нашу территорию. А здесь – лучше просто убежать, и побыстрее.

Наконец мы нашли место для ночной стоянки. Туннель стал шире, по дну шли двойные полосы металла, а слева поднималось что-то вроде платформы. На ней валялись осколки стекол, а стены покрывала веселая, праздничная краска. Невидимка подтянулся и выбрался наверх, а потом подал мне руку. В этот раз его пальцы сжали мои совсем не больно. Невидимка оказался очень сильным – легко вытащил меня. Я вылезла и осмотрелась.

С одной стороны выход с платформы перекрывала металлическая дверь. А с другой дверей было несколько. И Невидимка уже быстро переходил от одной к другой, пробуя ручки. В анклаве двери не использовались, но я их раньше видела. Одна открылась, и оттуда хлынул такой смрад, что я задохнулась.

– Там что, умер кто-то?

– Вполне возможно, – отозвался Невидимка.

Белую плитку испещряли черные пятна грязи и засохшей крови. Двери вели в крохотные комнатки. Впрочем, последняя не походила на предыдущие: металлическую дверь сорвало с петель и перекосило, виднелся квадратный стул с дыркой посередине. Мне стало любопытно – и одновременно очень противно.

Я осторожно вступила в комнату – надо же осмотреться, и тут же приметила боковое движение уголком глаза. Я крутанулась на месте, кинжалы мгновенно оказались у меня в руках. Другая девушка сделала то же самое. Я застыла – и она застыла.

Нет, конечно, мне приходилось видеть зеркала, но они все были маленькие и чаще всего треснувшие. Я знала, что у меня коричневые волосы и серые глаза, но мне еще не случалось увидеть себя отраженной полностью, во весь рост. Невидимка подошел сзади и встал за спиной, и тоже принялся меня разглядывать. Ну прямо как я себя. Мне стало вдвойне неприятно – словно лезвием по спине провели. Рядом с ним я чувствовала себя никчемной. И глупой.

– Я лучше там буду спать, – и кивнула в сторону просторного возвышения.

– Я тоже. Но можешь сначала воспользоваться удобствами.

– Удобствами?

– Это же уборная.

Убрать тут не мешало, это точно, но, глядя на квадратный стул, я поняла, что он имеет в виду. В дырке плескалась черная, отвратительная на вид вода – ну и не только она. Дома мы справляли нужду над решеткой, подальше от остальной

территории анклава. Здесь был весьма похожий запах, так что я все поняла.

Невидимка вышел, оставив меня наедине с моими надобностями. Я очень старалась ни до чего не дотронуться, а потом вышла, уступив стул с дыркой ему. Странно все это – словно заглянул в прошлое и увидел, как люди раньше жили.

Следующая дверь не открылась, хотя мы и налегали на нее, и тянули на себя. Поэтому мы забились в угол между дверями, как можно дальше от края платформы. Я поела еще вяленого мяса и выпила пару глотков воды. Хорошо, здесь прохладно – жидкость вместе с потом выходить не будет.

– Первой сторожу я.

Он не стал спорить.

– Тогда возьми, – и он отстегнул наручные часы и передал их мне.

Кожаный ремешок сохранил его тепло – я поняла, когда застегивала часы на запястье. Застегнулись они без проблем. Отлично, теперь и я могу следить за временем.

– Спасибо.

– Разбуди меня через четыре часа. То есть через четыре полных оборота стрелки.

Я процедила:

– Я не дура. Часами пользоваться умею.

Отсчитывал время и звонил в колокол, оповещая о важных делах, Шнурок. Он сигналил, что пора есть. Или что смена закончилась или началась. Но я знаю, как он понимал, который час. Вообще-то, мелких этому учили – между разными занятиями. С трех до восьми шли основные уроки. С восьми до пятнадцати – подготовка к профессии. Но Невидимка вряд ли это знал – он-то появился в анклаве уже не мелким, и почти сразу получил имя. Наверное, он с нашими мелкими не пересекался.

– А я и не говорю, что ты дура.

– Зато думаешь, – вырвалось у меня.

Только ссоры с напарником мне не хватало. В глуши, в незнакомом месте, и изо всех людей только я и он. Очень умный поступок. М-да, наверное, я все-таки дура.

– Нет, – тихо ответил он. – Просто тебе вбили в голову неправильные мысли.

Вот так вот. Значит, то дело со слепым мелким – оно все еще стоит между нами. У Невидимки на лице читалось: ну что же ты молчала, когда они его забирали? А ты ведь тоже молчал, подумала я. Но говорить это не стала, а просто заметила, как можно безобиднее:

– Ну, каждый имеет право на мнение. Главное, чтобы мнения работе не мешали.

Он прищурился:

– Это намек?

– На что?

– Вот и мне интересно, на что? Кстати, ты ведь думаешь, что я подставил своего прежнего напарника и тот умер, потому что я не разделял его взглядов. И вот ты здесь. Одна. Со мной.

В его черных глазах зажглись злые искорки.

Нет, вдруг поняла я. Ничего такого я не думаю! Если смерть бесполезного мелкого так его разбередила, то уж Охотника-то он вряд ли отправил бы на гибель. Помог бы обязательно! Не его вина, что напарник погиб. Наверное, обстоятельства сложились не в их пользу. Или напарник что-то не так сделал…

– Я просто выполняю приказы, – как можно мягче сказала я. – Но нет. Я так не думаю. Я уверена – ты сделал все возможное, чтобы спасти его.

Тут он надолго заткнулся. Я поняла, что надолго, потому что у меня его часы на запястье были – и я неотрывно смотрела за движением тоненькой линии-стрелки. Меня оно просто гипнотизировало. А поскольку мы сидели не двигаясь и молча, я слышала тихое тиканье. Чем-то оно напомнило мне стук сердца.

– Никто, кроме тебя, так не думает. Даже Шелк.

Я вдруг осознала, насколько он одинок. Никто с ним не общается, никто не любит. Он пришел из ниоткуда, чужак, никто про него ничего не знал, и он хорошо постарался, чтобы рядом с ним никто надолго не задержался. Невидимка терпеть не мог людей и не скрывал этого.

И я поняла – что-то тут не так. Пока я не опоздала на утренний сбор и не ослушалась приказа, мне казалось, что Шелк со мной в хороших отношениях. Она хвалила меня на тренировках и часто говорила, что из меня со временем получится отличная Охотница. Так почему же она меня поставила в напарники к Невидимке? Если уж она была так уверена, что он виновен в гибели предыдущего?

Видимо, все эти мысли отчетливо написались у меня на лице, и Невидимка криво улыбнулся:

– Шелк сказала, что мой напарник все равно не жилец. Но если кто-то и выживет, то только ты.

«Ах вот оно что. Типа она считает, что у меня подготовка хорошая». Что ж, это можно принять за комплимент. Но как бы то ни было, даже если Шелк и благоволила мне когда-то, теперь она вычеркнула меня из любимиц. Шелк наверняка подумала, что я поддержала Невидимку и пошла против ее воли, и, по правде говоря… я так и сделала. Оказалось, что быть Охотницей – совсем не то, что мне грезилось. Никакого тебе братства, никакого уважения товарищей.

И мне стало так тяжело на сердце, что я взяла и сказала:

– Ничего, выберемся как-нибудь.

Невидимка кивнул, замотался в одеяло и уснул. Потрясающая способность – я ему даже завидовала. У меня так не получалось. Вообще-то Охотники должны включаться и выключаться. Но выключить мозг у меня никак не выходило. Вот оно, мое самое уязвимое место. Мозги.

Тянулись тихие, похожие друг на друга часы, я сидела на страже. Если бы ходила туда-сюда, прогнала бы дремоту, но движение может привлечь нежелательное внимание. В голове я проигрывала тренировочные поединки, выбирая себе в противники то одного опытного Охотника, то другого. Я давно наблюдала за схватками и присматривалась к стилям – еще когда мелкой была. Время от времени они, конечно, гоняли меня с площадки – что это ты тут шныряешь и высматриваешь, шмакодявка… Но ни одного поединка Невидимки я припомнить не могла. Значит, он не желал общаться с соратниками.

Уснул он, отвернувшись, но сейчас перекатился на другой бок, и я могла рассмотреть его лицо. То есть сначала мне удавалось бороться с искушением – ему наверняка не понравилось бы, что кто-то за ним подглядывает. Но, с другой стороны, чем-то же нужно себя занять… оказалось, у него тонкие красивые черные брови. Они резко выделялись на белой бледной коже. Впрочем, мы все ходили бледные.

Я отвернулась и попыталась подумать о чем-нибудь другом. Если вдруг Охотники приносили меньше зверья, нас спасали рыбные пруды – и мы не голодали. Старейшины часто говорили, как это важно, и что другие анклавы завидуют нашим богатствам и хотели бы их отнять. Вот почему мы ограничили торговлю с другими поселениями. Не надо, чтобы слишком много народу ходило туда и сюда. Это все равно что захватчиков приглашать.

Постепенно мой взгляд снова обратился на Невидимку. Нос у него, оказывается, заостренный. Да и подбородок острый. И челюсть узкая. А о скулы вообще обрезаться можно. Только губы другие – мягкие. И то когда он спит. Хм, что это со мной? Откуда это странное раздражение?..

Мне стало не по себе, и я уставилась в темноту. Я ведь нарушила его личные границы, подглядывала – и как теперь уснуть, зная, что он тоже может подглядывать и рассматривать меня во сне? А что, в разведке обычные правила не действуют. В анклаве нам бы не позволили проводить столько времени наедине – обязательно сопровождающий должен присутствовать. Все для того, чтобы никто не размножался без разрешения. Но старейшины знали, что

грязный туннель, в котором бродили одни Уроды, – весьма неподходящее место для нарушений правил размножения.

На третьем часу стражи я услышала, как по металлу скребут чьи-то когти.

Укрытие

С оружием на изготовку я пихнула Невидимку под ребра. Он тут же проснулся, хотел было спросить, в чем дело, но я молча поднесла палец к губам. «Прислушайся». Он тоже услышал, все понял и приготовился к бою.

Сжимая в руке дубинку, я подошла к краю платформы, встала в стойку и принялась ждать. Прятаться бесполезно – они знают, что мы здесь. Они нас вынюхали. Я их тоже чуяла – вонь доносилась такая, что перебивала смрад уборной. От них разило разложившейся плотью и мертвечиной. И тут они выскочили из туннеля – обезумевшие от голода и запаха свежего мяса.

Они кинулись вверх, на платформу, и первого же показавшегося над краем я с размаху треснула дубинкой по голове. Череп подался с влажным хрустом, из раны хлестнула кровь. Тварь упала и не поднялась. Невидимка убил следующего, но еще двое все же вылезли, и нам пришлось отступить – чем больше пространства для боя, тем лучше. Я не так уж часто встречалась с Уродами, но больше всего ненавидела их глаза: в них сквозило что-то остаточно человеческое, какой-то отблеск понимания и разумности – и все это как огонек посреди моря голода, безумия и страдания. Вот почему я старалась не смотреть в глаза набегавшему на меня Уроду.

Дневная пробежка и бессонница не пошли мне на пользу – я двигалась медленнее, чем обычно. Увернуться как следует не получилось, когти рассадили мне руку. Уйти я не смогла, поэтому просто напнула тварь – да так сильно, что услышала хруст ломающихся костей. И тут же с размаху ударила дубиной. Мне было не до финтов и трюков. «Нужно его прикончить, и побыстрее».

Я прикончила Урода.

– Извини, но поспать не получится, – сказал Невидимка. – Нам нужно идти дальше.

Он был, конечно, прав. К свежим трупам сбегутся другие твари. Я оторвала подол рубашки, кинжалами раскромсала его и перевязала рану на руке – надо остановить кровотечение. Обработка и лечение могут и подождать.

– Да какая разница…

Я подхватила рюкзак и спрыгнула с платформы. У нас впереди было два таких же дня. А потом все может стать еще хуже.

– Ты когда-нибудь был в Нассау?

– Один раз.

И он перешел на легкий бег.

– Ну и как там?

Вообще-то нам не стоило говорить – даже шепотом. Но меня терзало любопытство, а еще болтовня отвлекала от саднящей боли.

Невидимка пожал плечами:

– Да как везде. Как у вас, к примеру, только хуже.

Желание продолжить расспросы сразу же улетучилось. Мы бежали и бежали вперед, и тут я поняла, что у меня на руке его часы – не успела отдать. И хотя особой уверенности не было, мне показалось, что мы бежим почти час. Глаза словно песком засыпало, голова болела. Но выхода нет – надо уйти как можно дальше, пока силы не оставят окончательно. Где-то через час я споткнулась.

– Мы уже далеко, – пробормотала я. – Мне надо поспать.

Мы стояли в туннеле, но каком-то совершенно нехоженом. И Уродами в нем не пахло. Я доковыляла до каменного выступа, достаточно широкого, чтобы на нем улечься, и свернулась калачиком. Дома, на набитом тряпками тюфяке, спать куда как удобнее – настоящее уютное гнездышко. Но сейчас я могла уснуть где угодно. Даже на холодном камне.

– Часы давай, – протянул он руку.

Я сняла их с запястья и отдала. Голова кружилась от усталости и бессонницы. Да уж, мне не до размышлений – усну как убитая.

– Извини, совсем забыла про них…

Завернувшись в одеяло, я положила голову на локоть, прижала колени к животу и закрыла глаза. И плевать, если Невидимка решит меня разглядывать. Сон накатил, как высокая черная волна.

Приснился мне давешний мелкий со слепыми белыми глазами и изможденным лицом. Шея у него была перекручена, голова болталась под странным углом. Он, пошатываясь, подбирался ко мне, ощупывал воздух впереди вытянутыми руками. «А ведь я тебе верил…» Белые тонкие пальцы светились, как полированная кость, и шевелились, шевелились, пытаясь что-то отыскать.

«Они убили тебя».

«Это ты убила меня!» Он подобрался близко, очень близко, а я не могла пошевелиться и все смотрела, смотрела в эти странные белые глаза.

«А сейчас ты уже не сможешь меня убить. Мертвых нельзя убить…»

Меня растолкал Невидимка. Интересно, сколько я проспала? Казалось, и минуты не прошло, но вряд ли, он не стал бы меня будить, если бы не подошло мое время вставать на часы. Я глубоко вздохнула и поняла, что дрожу – брр, холод-то какой, даже одеяло не спасает… А может, это все сон – меня от страха аж пот прошиб, мокрая рубашка липла к спине. Я возилась со снарягой, а руки дрожали.

– Ты во сне вскрикивала и скулила. Хочешь поговорить об этом?

Я прикрыла глаза. Вот тебе и раз. Стыдобища… Пищала во сне, как младенец. Правильно он меня в нашу первую встречу салагой обозвал. Но лучше сказать все как есть – пусть Невидимка не думает, что мне снилась ерунда вроде Уродов. Или что мы слишком далеко от анклава ушли, и теперь у меня поджилки трясутся.

– Мне приснился тот мелкий.

Невидимка кивнул:

– Понятно. Сейчас как себя чувствуешь?

– Нормально. Наверное.

Я сделала небольшой глоток воды, чтобы унять дрожь, и поднялась на ноги.

– Еще восемь часов ходу?

– Надо постараться.

Вообще-то я всегда считала себя крепкой и сильной. Думала, что не уступлю другим Охотникам, даже ветеранам. Но в тот день я чуть не померла. Передышки мы делали совсем короткие – Уроды чуяли запах моей крови. Они шли за нами по туннелям, и их становилось все больше. Я держалась на одной силе воли, заставляя себя переставлять ноги. А под конец я даже и о ногах думать не могла – пустая голова звенела от усталости.

Я бежала, повинуясь ритму колотящегося сердца. Ноги наливались тяжестью, я то и дело спотыкалась о камни и рытвины. Невидимка темпа не сбавлял. Уж не знаю, что он там себе думал. Может, считал, что я крепкая и выдержу. А может, собирался бросить меня, если я упаду и не встану. Проверять не хотелось. Я выдержу. Выдержу. Не отстану.

Наконец мы остановились. Восемь часов миновали – время отдыхать. Невидимка отыскал пустую железную коробку-укрытие – прямо как та, в которой мы нашли мелкого. Но, в отличие от того ящика, наш не перевернулся – он стоял заброшенный на полосах железа.

Мы по очереди справили нужду чуть в стороне, а потом совместными усилиями сумели раздвинуть двери и пролезть внутрь. Створки тут же схлопнулись обратно – это создавало иллюзию безопасности. Хотя почему иллюзию – хоть какая-то защита от Уродов. Те не умели действовать сообща. Наверняка кто-нибудь один попытается влезть через дверь, а когда не получится, они примутся искать другие пути и поднимут шум.

Кстати, в этом ящике, помимо стульев, имелись еще и привинченные к полу скамейки. Я осмотрела убежище на предмет возможной опасности, но ничего такого не обнаружила. Только паутину и пыль. Рука саднила до невозможности, боль грызла мышцы уже у самого плеча. Сбрасывая сумку, я поморщилась.

– Давай-ка я осмотрю рану, – сказал Невидимка.

Я сползла по стене и нервно кивнула:

– Ну давай.

Он снял самодельные бинты. Я вывернула шею – мне тоже хотелось увидеть, как там и что. Вниз от плеча шли четыре параллельные красные царапины, разбухшие и кровоточащие. Я выругалась – в рану попала инфекция. Еще недалеко зашла, но все-таки. Если такое запустить, я лишусь руки. А потом и жизни. В анклаве бы с этим разобрались без проблем, но здесь… Меня пробрала дрожь.

Словно не замечая грозящей опасности, напарник фыркнул:

– Смотри-ка, первые боевые шрамы. Ну что, салага, как себя чувствуешь?

– Болит как не знаю что.

– Это понятно. Мне тоже так повезло – прямо в первый же раз, когда вышел на патрулирование. Не успел увернуться – и Урод меня задел когтями.

Он задрал рубашку и показал шрам через все ребра.

– Ты ходил в патруль с тем парнем, который потом погиб?

Вопрос, конечно, дурацкий, но как-то мне ничего другого в голову не пришло.

Невидимка помотал головой:

– У меня два напарника было. Первая была очень уважаемой Охотницей. Я столькому от нее научился… Но потом ей пришлось уйти на покой. Она уже умерла. От старости.

– Когда?

– Год назад.

– Понятно. И тогда они приставили к тебе новенького. А он оказался не таким резвым, как считала Шелк.

– Угу.

– Выходит, ты уже два года как Охотник.

Значит, он примерно на два года старше меня. Два года боевого опыта – огромный срок.

– Ну да, правильно.

«Хм, похоже, он разговорился. Надо этим воспользоваться…»

– А сколько ты прожил вот так… ну… сам по себе?

– В смысле? Не в поселении, а так, как дикий мальчик?

Я не очень-то поняла, что он имел в виду, но нам пришлось учить его вести себя цивилизованно – что правда, то правда.

– Ну да.

– Года четыре.

Тоже странно. Что-то не верится – особенно после того, как я на здешнюю туннельную жизнь насмотрелась. Но надо бы его расспросить поподробнее – пусть расскажет, как у него получилось выжить. Это будет полезная информация – вдруг пригодится. Но он отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Невидимка порылся в сумке и вытащил оттуда маленькую банку. Непохожую на ту жестянку, что едва не стоила нам нагоняя от Хранителя слов, – эта была серебристая и потертая. Он снял крышку, и в ноздри ударил непривычный запах, не то чтобы неприятный, просто какой-то очень лекарственный. Невидимка запустил в банку пальцы и намазал мне рану. В ней защипало, причем сильно.

– Это чего такое?

Надеюсь, в этот раз я не наступила ему на больную мозоль.

– Мазь целебная. Мне Строитель дал. Она хорошо обеззараживает раны. Но я понятия не имею, что там намешано. – Он улыбнулся. – Может, даже плесень…

А вот это интересно! В смысле, то, что у него есть мазь для обеззараживания ран, сделанная из плесени, – это как раз нормально. Но вот что кто-то из Строителей с ним настолько сдружился, что даже снадобье какое-то особое смешал – хм, вот это любопытно.

– А кто дал?

– Девушка одна. Ее Флажок зовут.

Я знала, кто это. Наперсток рассказывала про эту девушку – незадолго до моего имянаречения. Я тогда еще квартировала вместе с мелкими, а Камень с Наперстком уже переехали в собственное жилье и все такое, и потому рассказы Наперстка вызывали у меня жуткую ревность. А Наперсток, видно, с девушкой сдружилась и болтала без умолку: «Представляешь, Флажок научила меня шить кожаную сумку!» – сообщала она мне у общего костра. Подумаешь, отфыркивалась я, сумка кожаная! Да кому нужна эта дурацкая сумка! Я вообще

скоро стану не кем-нибудь, а Охотницей! Это я себе повторяла каждую ночь после того, как мне приходилось плестись к другим мелким, а Камень и Наперсток направлялись в собственное жилище.

– А она может и для меня такую мазь приготовить?

Щипать перестало, и самочувствие мое значительно улучшилось. Снадобье действовало: я прямо чувствовала, как оно очищает рану – кожа стягивалась. Эдак через несколько дней кровоточащие раны зарубцуются, и у меня на руке останутся аккуратные шрамы.

– Почему бы и нет? Я вас познакомлю.

По голосу чувствовалось, что Флажок ему нравится, – в отличие от остальных. Я нахмурилась. Хм. Сначала Наперсток, теперь и Невидимка. Стоит познакомиться с этой девушкой – надо же выяснить, с чего от нее все без ума? Ну и мазь заодно попросить смешать. Навряд ли это мое последнее ранение – много вылазок впереди. Конечно, если мы выживем в этой…

Я оторвала еще один лоскут от рубашки. Протянула Невидимке ткань, и мы соприкоснулись пальцами. Он очень аккуратно принялся перевязывать мне руку. Прядь волос выбилась из хвоста, и Невидимка отвел ее в сторону – чтобы в узлы на бинтах не попало. Меня охватило странное чувство – что-то подсказывало, что надо отодвинуться от него, причем немедленно. Но, с другой стороны, он же мне помогал. И я сидела и смотрела, и не двигалась с места, хотя и уговаривала себя отвернуться и не смотреть. Невидимка убрал мазь в сумку.

Я настолько выбилась из сил, что даже есть не хотелось. Поспать бы сейчас… Но он сказал:

– Ну уж нет, салага. Давай, подкрепляйся. Ешь. Пей. Набирайся сил – я тебя не донесу, если что.

– А я тебя и не просила, – пробормотала я.

Ругая себя за такую элементарную ошибку, я вытащила припасы и принялась есть безо всякого аппетита – в отличие от Невидимки, которому еда доставляла

удовольствие. Впрочем, он и в патрульных дольше, чем я, проходил. Да уж, никакие тренировки настоящий опыт не заменят. Надо бы собраться с силами.

– Думаю, мы оба можем поспать, – заметила я. – Если нас обнаружат, без шума они не прорвутся.

– Согласен. Надо и впрямь поспать, а то завтра пожалеем. Хорошо поспать, долго.

Да уж, без полноценного сна какие рефлексы. Да и сил прибавится. А если не получится поспать? Нет, о таком лучше не думать.

– За завтра до места доберемся? Если будем целый день бежать?

– Должны добраться.

– И что будем делать?

Он пожал плечами:

– Доберемся – увидим. Пока непонятно, какая там обстановка.

А потом он снова залез в сумку и вытащил серебристый металлический квадрат. Откинув крышечку, Невидимка чиркнул по колесику, и над квадратом вспыхнул тонкий язычок пламени. Я аж отшатнулась:

– Ты что делаешь?

– Вспоминаю.

– Что?

– Что раньше было.

Отлично – раз ему так хочется скрывать свое прошлое, я с расспросами не полезу.

– А что это?

– Зажигалка.

Пожалуй, в первый раз за все время он сам продолжил рассказ:

– Она принадлежала моему отцу. Как и часы.

Я в это время вытаскивала из сумки одеяло, но тут прямо замерла:

– А ты что, его помнишь?

– Ну да.

Ух ты! Вот это новости! В анклаве никто не знал своих Производителей. Да и откуда? Они обычно умирали еще до того, как мы подрастали настолько, чтобы запомнить лица. Смысла в этом тоже особого не было. За нами присматривали все Производители – а когда мы становились постарше, то отправлялись на занятия для мелких.

– Невидимка… – начала было я.

– Меня по-другому зовут, – зло отозвался он.

Но злился не на меня.

– Теперь тебя зовут так. Может, у тебя когда-то раньше было другое имя, но сейчас – сейчас у тебя это. Потому что ты его заслужил. Поэтому оно – настоящее.

Я верила в это от начала и до конца.

Он лишь вздохнул:

– Ну да. Наверное, ты права. Так что ты хотела спросить?

– А откуда ты? Ну, по-настоящему?

Я ожидала, что он назовет какое-то дальнее поселение. Многие так и думали: парень потерялся и как-то сумел выжить в туннелях, а потом наши патрули обнаружили его. Но он сказал:

– Я с Поверхности.

– Отлично, – пробормотала я. – Давай, ври дальше. Мне все равно.

Да там никто не живет! И не растет там ничего! С неба пошла вода и все снесло! Все слышали истории, которые рассказывал Хранитель слов! Ух как я разозлилась… Завернулась в одеяло и залезла на скамью, что шла вдоль внешней стены. Там Уроды не смогут рассмотреть меня, если будут заглядывать снаружи. Унюхать смогут, и будут бродить вокруг, но увидеть – нет. А они вообще-то туповаты. На Невидимку я из принципа не обращала внимания. А потом уснула.

В этот раз ничего такого кошмарного мне не снилось. Меня унесло в место, где тьма и тишина, и я пробыла там долго – пока не проснулась сама собой. Невидимка вроде как спал. Я откинула с глаз волосы. Они выбились из хвоста, в который я их подбирала, чтоб не болтались.

И тут он тихо-тихо, на пределе слышимости, проговорил:

– Не двигайся.

Я застыла.

– Почему? – вырвалось у меня.

И тут все стало понятно. Звуки снаружи все объяснили. Там бродили Уроды – вот только сколько? По шуму не поймешь… но они заподозрили, что мы здесь. Унюхали.

Один с шумом ударился в окно – я подпрыгнула на месте. Тварь приникла к стеклу, пытаясь высмотреть нас. Превратиться бы сейчас в кого-то маленького-

маленького… Бу-бух! Уроды полезли на крышу. «Сколько же их?» Я должна знать – надо представлять себе шансы отбиться, если начнут крушить стекла.

«А вдруг… вдруг мы будем сидеть тихо и они уйдут?»

Время тянулось бесконечно. Твари рычали, урчали и повизгивали. Мне нестерпимо захотелось прикрыть руками глаза – так делают мелкие, когда им страшно. Пусть гадкие страхи уйдут, я закрою глаза, и они исчезнут… Я еле удержалась от этого позорного жеста. А вместо этого прислушалась и попыталась сообразить, что к чему. Судя по шуму и шагам, их было не меньше пятнадцати. А может, и больше.

Вот мы попали…

Нассау

– Никогда не видела такую большую стаю… – прошептала я.

И зря. Я-то думала, я тихонько говорю, но Урод услышал. Он аж взбесился и принялся молотить в стекло. Оно пошло трещинами.

– Вставай! – рявкнул Невидимка. – Они знают, что мы здесь прячемся. К оружию!

Дубинкой, увы, тут не размахнешься. Поэтому я выхватила кинжалы. Спасибо тебе, Наперсток – рукояти идеально ложились в ладони. Я откатилась и вскочила на ноги, и в тот же миг стекло разлетелось вдребезги. Урод всей тушей засунулся в вагон, и я секанула по яремной вене. Двумя ударами раскромсала шею, оттуда хлестнула мерзкая кровища. Урод повис в разбитом окне как дурацкая здоровенная затычка, но остальные твари принялись терзать мертвое тело. Кто-то жрал, а кто-то старался вытащить досадную помеху и освободить путь.

– Как думаешь, прорвемся?

Урод на крыше принялся прыгать – наверное, думал, что сможет своим весом проломить железо.

– Если они тупые, то есть шанс.

– Ты когда-нибудь попадал в такую передрягу?

И тут – надо же! – он засмеялся:

– Нет, конечно! Никто еще в такое не вляпывался!

Да что ж такое! Зачем, ну почему Шелк мне дала в напарники этого психа?! Сколько вокруг нормальных, опытных Охотников! А меня угораздило оказаться в паре с Невидимкой! Как же несправедлива жизнь…

Тут Уроды все-таки выдрали из окна труп, и в ноздри мне ударила немыслимая вонь. Примерно половина тварей впала в пищевую лихорадку – они присели и принялись пихать в пасти окровавленные ошметки мяса. Острые как бритвы зубы и когти отливали алым даже в темноте.

– Если они не раскурочат остальные окна – прорвемся, – тихо проговорила я.

И тут они атаковали с другой стороны. Невидимка перемахнул через два ряда сидений и встал в боевую стойку, в каждой руке по кинжалу. Я осталась там, где была, – стеречь эту брешь. О том, что случится, если они расколотят еще окна, я старалась не думать.

В дыру полез Урод. Я промахнулась, не попала по шее, но, пока он выпрастывал ноги, успела всадить кинжал ему в бочину – и задела жизненно важные органы. Тварь повисла и задергалась в агонии, и ее, как и предыдущую, принялись рвать на части сородичи.

Невидимка вроде как справлялся – он действовал так же, как и я. Трупы отвлекали нападающих. Уроды не убивали живых Уродов, а вот умирающих рвали с удовольствием – мясо есть мясо.

Они визжали и рычали, и от этих звуков волоски у меня на руках встали дыбом. Мы держались, не давая им пролезть в два разбитых окна. Но тут они принялись за следующее стекло. Двое Уродов молотили и молотили, и окно подалось. Я убила еще одну тварь и в ужасе и растерянности увидела – паутина трещин растет.

Они нас сметут.

Не успели мы и глазом моргнуть, как один Урод запрыгнул внутрь. Следом в освободившуюся дыру сиганул еще один. Отступим – и они окажутся у нас со всех сторон. С мрачной решимостью я разделалась еще с одним, а потом развернулась к набегавшей со спины твари.

Урод прыгнул ко мне, щелкая челюстями, и я всадила кинжал ему в глаз. Плавно развернулась и убила очередную тварь, просунувшуюся в окно. Невидимка расправился со своим противником экономным, техничным движением. А ведь он дерется лучше остальных Охотников – я видела их в поединках… У него жесты были какие-то особенные, ни на что не похожие – и мне стоило труда оторваться и не смотреть и вести собственный бой. Нельзя отвлекаться, нельзя!

И тут они сменили тактику. Двое Уродов побежали к Невидимке, пока тот убивал лезущую в окно тварь. И я оставила свой пост и перемахнула через сиденья, крутанулась вокруг шеста для ускорения и ударила обеими ногами Уроду в грудь. Тут же наподдала ногой, проламывая висок, а потом уложила второго парными ударами кинжалов. Однако, спасая Невидимку, я открыла тварям дорогу. Они полезли в окно.

– Пошли прочь отсюда! – заорал Невидимка. – Мы вас всех перебьем! Всех до единого!

Уроды зарычали в ответ – усеянные острыми хищными зубами пасти издавали влажный, отвратительный звук, в котором чуть ли не слова различались. Мы сражались спина к спине, и я поняла, что начинаю уставать. У человека есть предел возможностей. Но когда мы положили десяток тварей, остальные обожрали трупы – и разбежались. Видимо, мы сопротивлялись слишком отчаянно, и добыча не стоила затраченных усилий. И это мне совсем не понравилось – выходит, Уроды все-таки способны мыслить? А может, они даже поняли, что им кричал Невидимка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/enn-agirre/anklav-2/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Цитируется по переводу Светланы Лихачевой. Вещь издавалась под разными названиями, но в данном случае выбрано то, что фигурирует в данном русском переводе.

2

В переводе используется боксерская терминология – судя по всему, в тексте она и имеется в виду.

Купить: https://tellnovel.com/enn-agirre/anklav-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити